

Февраль

Тува нервно постукивает пальцами по столешнице. Она все еще на работе, в кафе, где ее уже не должно быть. Посетитель, только что устроившийся за столиком в углу, смотрит на нее с раздражением, и Тува отвечает ему не менее убийственным взглядом. Она его запомнила. В следующий раз он вряд ли сможет рассчитывать на сердечко в своем капучино.

Тува всегда в плохом настроении, когда задерживается на работе, а сегодня она припозднилась как никогда. Заводит за ухо светлую прядь. Скоро полчаса, как нужно было забрать Линуса из детского сада.

К кислым минам воспитателей Тува давно привыкла, но только не к грустным глазам двухлетнего сына. Она ненавидит огорчать детей, Линуса особенно. Тува уже не помнит, сколько раз повторила, что готова умереть за него. Но в действительности не все так просто, как Тува ни старается.

Она снимает передник и бросает в переполненную корзину с грязным бельем в хозяйственном шкафчике. Остается дождаться сменщика. Где же он, черт его возьми?

В тот день, когда родился Линус, Мартина не было рядом с ней. И Тува не винила его в этом, поскольку уехала в роддом на «Скорой» на две недели раньше положенного срока. Правда, ей показалось странным, что Мартин ни разу не навестил в больнице их с сыном. Роды прошли без осложнений, но Тува помнила только докторов, которые время от времени наведывались, чтобы удостовериться-

ся, что у нее и Линуса все в порядке. Мартин ограничился короткими СМС-сообщениями. «Я скоро приеду, — писал он. — Вот только улажу кое-какие дела». А Тува в полузабытьи представляла себе опустевшую квартиру, куда ей предстоит вернуться с Линусом. Мартин собрал вещи и ушел, пока она рожала их общего сына. Это и были «дела», которые он собирался «уладить». Просто взял и исчез, и с тех пор Тува ничего о нем не слышала.

Так они с Линусом остались вдвоем против всего мира. Не говоря о том, что этот «мир» так часто вклинивался между ними. Вот как сейчас, например. Даниэль сегодня выходит в вечернюю смену и уже с час как должен быть здесь. Но его нет, и Туве приходится звонить ему, чтобы поднять с постели. Половина второго пополудни. Была ли она такой безответственной в двадцать один год? Возможно. Ничего удивительного, что рабочие отношения не складываются. Тува смотрит на наручные часы.

Черт...

Она надевает пуховик, шапку и делает два двойных эспрессо — один в фарфоровой чашке, другой в бумажном стаканчике.

Должно быть, Матти опять дожидается ее в детском саду. Матти — воспитатель, которого Линус уже называет папой. И каждый раз, когда такое случается, Матти смотрит на Туву с упреком. Похоже, он хочет сказать, что Тува должна уделять больше внимания сыну, вместо того чтобы днями напролет пропадать на работе. *Спасибо, Матти, за то, что пробуждаешь во мне нечистую совесть. Как будто недостаточно слез в глазах сына, который вот уже в который раз не может дождаться мамы...*

Тува разливает эспрессо, когда в дверь врывается взъерошенный Даниэль вместе с порывом холодного февральского ветра. Несколько человек в зале демонстративно ежатся, но Даниэлю все равно. Во всяком случае, он не подает вида.

— Вот, — Тува протягивает ему дымящуюся фарфоровую чашку, — тебе это будет кстати, а я убегаю.

Не дожидаясь ответа, она хватается бумажный стаканчик и выбегает на снег, который еще и не думает таять. У дверей едва не сбивает с ног хрупкую пожилую пару.

— Простите, — бормочет Тува, — я опаздываю. Нужно забрать ребенка из детского сада.

— Вот как, но... знаете, дети иногда проявляют поразительную самостоятельность. Они ведь только кажутся такими беспомощными.

Голос ласковый, ни тени упрека.

Тува не отвечает, но радуется, что ее неловкость не вылилась в конфликт. Люди бывают обидчивы до смешного. Сколько раз посетители, на которых она пролила немного кофе, требовали не только оплаты химчистки, но и солидной денежной компенсации. Тува смущенно улыбается пожилой паре. Кофе выплескивается на руку, напоминая, что времени на разговоры нет. Тува извиняется еще раз и спешит в сторону метро, на ходу опорожняая стаканчик. Напиток обжигает рот, желудок. Это как лекарство. Тува чувствует химический привкус, отмечая про себя, что кофейную машину пора чистить. Очень может быть, что в помещении кофе не показался бы ей таким горячим.

Пожалуй, имеет смысл вернуться в кафе после детского сада. Даниэль не пожалеет для Линуса булочек, и это действительно так. К черту макароны с фрикадельками. Завтра утром Тува уезжает, но сегодняшний вечер — их с Линусом.

Она спускается в метро, чувствуя, как подгибаются колени, и хватается за перила, чтобы не упасть. Спотыкается. Тува, конечно, спешит, но не настолько. Совсем не обязательно заявляться в детский сад с синяками. Нужно подниматься, но ноги обмякли, как будто из них вынули кости. Голова кружится. К горлу подступает тошнота, и Тува чувствует, как теряет сознание. Примерно то же было с ней в роддоме после приема лекарств.

Линус. Я иду.

Тува ищет руками перила, но те парят где-то высоко над ее головой. Руки вытянулись почти на километр, и

Тува больше не помнит, зачем ей нужны перила. В глазах пляшут темные пятна, а потом все вокруг кружится, и внутренний голос говорит Туве, что она падает с лестницы. А потом все обрывается.

* * *

Боль — вот первое, что чувствует Тува, очнувшись. Если она лежит, то очень неудобно. Тува сглатывает и прокашливается. Во рту сухость. В следующий момент она понимает, что больше не лежит, а стоит на коленях, слегка наклонившись вперед. Стены давят со всех сторон. Сверху — потолок, касающийся ее голого затылка. Туву как будто заперли в тесном ящике.

И это слишком больно, чтобы быть сном. Это не может быть явью, но тем не менее... Запах древесины слишком реален. Свет проникает сквозь короткие узкие отверстия и ложится прямоугольниками на ее голые руки и ноги... Голые? С какой стати? Куда подевалась одежда? На Туве нет больше не только пуховика, но и шерстяного пуловера и джинсов.

Ее раздели, оставили в одной майке и трусах, и это, конечно, не всерьез. И этот химический привкус во рту... Должно быть, в кофе что-то добавили, а она так нервничала, что ничего не заметила. Выпила все без остатка.

Нагнетание адреналина по всему телу ощущается покалываниями в коже. Она должна отсюда выбраться. Тува кричит и давит на стенки ящика изо всей силы.

— Выпустите меня отсюда! Что вы делаете?

Ответа нет, но Тува чувствует чье-то присутствие. Слышит дыхание. Она снова кричит; тишина остается все такой же непроницаемой и злобной.

Покалывания распространяются по всему телу, и Тува бьет в деревянную стенку с новой силой. Насколько это возможно в такой тесноте.

— Чего ты хочешь? — Глаза застилают слезы. — Выпусти меня, пожалуйста, давай поговорим. Мне нужно забрать Линуса.

Тува косится на свои руки. Стекло на часах разбито, и стрелки показывают почти три часа. Матти, наверное, уже звонил. Ищет и не может понять, куда она запропастилась. Он скоро объявится здесь и найдет ее в этом ящике... или... Тува ведь приезжала за Линусом и позже, поэтому Матти может ничего не заподозрить.

Никто не ищет и не знает, что ее похитили.

Похитили — это слово быстро заполняет собой ее мысли, так что становится трудно дышать. Металлический звук сразу за деревянной стенкой заставляет Туву вздрогнуть.

— Эй! — зовет она.

В нижней прорези слева появляется что-то блестящее. Это похоже на лезвие меча, и оно медленно входит в ящик. Тува пытается отодвинуть бедро от стенки, но здесь слишком тесно. Острие касается бедра и давит на кожу. Это довольно больно, хотя на ощупь оно и не такое острое, каким выглядит.

— Эй, что ты делаешь? — кричит Тува. — Прекрати!

Острие продолжает давить, а потом протыкает кожу, и на ней проступает капелька крови. Это пробное движение. Тува снова кричит, не разбирая собственных слов. А потом давление внезапно ослабевает, и лезвие отступает на несколько сантиметров.

Такой звук, будто заводится мотор. Лезвие начинает вибрировать, снова продвигается вперед и на этот раз не останавливается, коснувшись ее ноги. У Тувы темнеет в глазах, когда оно вонзается ей в бедро. Потом лезвие входит в мышечную ткань — и крик заглушает шум мотора.

В глазах сплошной взрыв цветных пятен. Нервные окончания горят. Мир вокруг исчезает, остается только боль.

Лезвие снова подходит к бедру, и его вибрации передаются позвоночнику, а потом и всему телу. Туву тошнит — на бедро и окровавленное лезвие, которое скользит по кости, разрывая толщу мышц, и выходит с другой стороны. Кровь пульсирует, проталкиваясь фонтанчиками из новых

отверстий. Стекает, обволакивая кость, и собирается в лужу внизу. Но оно не останавливается. Лезвие медленно продвигается к другой ноге.

Тува все еще не может двигаться.

— Прекрати, прошу тебя, — всхлипывает она. — Мне нужно забрать Линуса из детского сада. Я опоздала. Он совсем один.

Когда лезвие достигает другой ноги, Туве кажется, что она готова к боли. Но к этому нельзя быть готовой, и она хрипит и хочет сойти с ума, впасть в беспамятство — только бы ничего этого не чувствовать. Это продолжается несколько секунд — целую вечность. Тува больше ничего не видит. Искромсав обе ее ноги, лезвие исчезает в отверстии в противоположной стене. Вибрации прекращаются, но гул мотора остается.

Что-то колет сзади в плечо, и та часть Тувы, которая была ее сознанием, умирает. В мозгу что-то взрывается, Тува ощущает это почти физически. Потому что, конечно же, отверстия есть и у нее за спиной. Тува пытается нагнуться, увернуться от лезвия, но при малейшем движении боль в бедрах вспыхивает с новой силой. Тува больше не здесь. Она в роддоме... или в кафе, где чудом получила работу. Флиртует с Даниэлем, смотрит в глаза Мартину, который признается ей в любви. Она слышит, как рвутся на спине мышцы и хрящи, и думает о том, что Линус называет Матти папой.

Опустив глаза, Тува видит, как натягивается кожа под ключицей, прежде чем лезвие выйдет со стороны груди. Это похоже на трюк. Как будто Тува — ассистентка иллюзиониста, и зал вот-вот разразится аплодисментами. Она не раз видела такое по телевизору.

Кровь заливает грудь, пропитывая майку, и лезвие исчезает в отверстии в противоположной стенке ящика. Пространство заполняет собой металлический запах.

Голубые глаза Линуса — *мама, где ты?*

Когда Тува пытается ответить, из горла вырывается что-то похожее на писк.

— Я опоздала, милый... опоздала...

За стенкой что-то шевелится. В одном из отверстий темнеет, а потом появляется третье лезвие и останавливается сантиметрах в двадцати от ее головы.

— Только не это... — шепчет Тува.

Лезвие движется медленно, но расстояние слишком мало. Тува видит, как блестит острие, которое приближается к глазам, мешая сфокусироваться.

Линус, прости. Мама любит тебя.

Она вздрагивает, когда лезвие касается внутреннего угла правого глаза. Что-то стекает по щеке, и Тува понимает, что правого глаза больше нет. Но это неважно. Главное, ей больше не больно.

Почему здесь так пахнет паленым?

Это последняя мысль Тувы.

А потом лезвие входит в мозг.

Март

Винсент изо всей силы хлопнул ладонью по столу. Публика затаила дыхание. Он наморщил лоб, выдержал паузу и повернулся к залу. Рука снова поднялась и опустилась, с хрустом сминая бумажный конверт, который Винсент с нервным смешком смахнул на пол.

— Номер пять, — объявил Винсент. — И здесь его тоже нет.

Луч прожектора вырывал из погруженной в темноту сцены стол, за которым сидел Винсент, и стоящую перед ним женщину. Контраст света и тени подчеркивал драматичность момента. В зале стало тихо.

Шоу вступило в последний этап, на котором не предполагалось даже музыки. Тишина нагнетала нервозность. С самого начала на столе лежали пять пронумерованных конвертов, два из которых, смятые, уже валялись на полу.

— Еще три. — Винсент поднял глаза на женщину. — Не смотрите на них, Мадалена, иначе я буду следовать движениям ваших глаз. Лучше подумайте о том, под каким

из них может быть гвоздь. Вы ведь одна это знаете. Публика не видела, куда вы его спрятали, я тем более. Три конверта, Мадалена, три. Вспомните, каким острым был этот гвоздь, когда вы трогали его пальцем. Вспомните — не более того.

Женщина вспотела. В луче прожектора жарко, а она нервничает не меньше, чем зрители. Если не больше. Винсент вглядывается в ее лицо.

— Вы не отреагировали на слово «три», хотя я повторил его трижды. Так что, думаю, он не там.

Винсент хлопнул по конверту под номером «три» прежде, чем публика успела понять, в чем дело. Несколько человек вскрикнули, не выдержав напряжения.

Оставалось еще два, и шансы Винсента причинить себе боль возросли до пятидесяти на пятьдесят. Он все еще не знал, зачем продолжает выступать с этим номером. Все, кто это делал, рано или поздно плохо заканчивали. Это было неизбежно, если повторять номер много раз. Но публика не видела, что Винсент взволнован по-настоящему. Иллюзия полного контроля — важная часть трюка.

— Остались номера два и четыре. — Винсент посмотрел на женщину. — Представьте себе этот гвоздь... все двадцать сантиметров.

Женщина прикрыла глаза и кивнула.

— Вспомните, как он блестит, если поставить его вертикально. И он под одним из этих конвертов. Под тем, по которому я не должен ударить.

— Я уже не уверена, что помню это точно, — прошептала женщина.

Винсент изогнул бровь. Тишина в зале достигла такой плотности, что ее можно было резать ножом. Два конверта. Винсент занес руку над одним из них, потом над другим. Какой-то из них означал бурные овации. Другой — пронзенную гвоздем ладонь и срочную госпитализацию на «Скорой».

— Откройте глаза, — обратился он к женщине.

Та, неохотно подчинившись, сощурилась на конверты. Винсент вглядывался в ее лицо. Потом снова занес руку для удара, но, заметив, как расширились глаза женщины, в последний момент изменил направление движения и хлопнул по другому конверту.

Женщина закричала одновременно с хлопком. Винсент замер на несколько секунд, склонившись над столом. После чего торжествуя смял конверт и поднял оставшийся.

Направленный острием вверх, гвоздь блестел, как копье, в холодном свете прожектора. Публика загудела и вскочила с мест. Грянула музыка. Подписав гвоздь перманентным фломастером, Винсент протянул его женщине, лицо которой выражало явное облегчение. Она удалилась, ведомая под руки помощником, а Винсент встал на краю сцены и хлопнул в ладоши. Радость его была неподдельной.

Представление в театре Евле завершилось громовыми аплодисментами. Винсент раскланялся и устремил взгляд куда-то поверх зала, в дальний его конец.

Движущийся свет над морем аплодисментов ослепил его. Винсент не видел зрителей, но вел себя так, будто различал каждого в отдельности. Трюк состоял в том, чтобы, направив взгляд прямо перед собой, сфокусировать его, будто смотришь кому-то в глаза. Там, в темноте, невидимые, стояли 415 человек и аплодировали ему, Винсенту Вальдеру, мастеру-менталисту.

— Спасибо, что пришли, — прокричал он, перекрывая шум.

Аплодисменты усилились. Переполненный до краев зал бушевал.

Хороший вечер. Ее не было, поэтому Винсент и оставался таким спокойным. Вечера, когда ее лицо не мелькало среди публики, давались ему легче, нежели он сам решался себе в этом признаться.

Винсент поборол искушение загородиться от света ладонью, чтобы их видеть. В конце концов, он трудился в поте лица только ради таких моментов. Не говоря о том,

что его тело все еще держалось в вертикальном положении только благодаря адреналину. 415 мест, 41 и 5–46, — ровно столько, сколько ему исполнится лет через несколько недель.

Хватит.

Сегодня он едва не напоролся на чертов гвоздь, и это был последний номер почти двухчасового шоу. Пот бежал по спине ручьями, мозги вскипали.

Секрет, как уже говорилось, состоял не в том, чтобы предсказать поведение публики или создать впечатление, будто он умеет читать их мысли. Главная иллюзия состояла в том, чтобы выглядеть невозмутимым, когда мозги крутятся на полную катушку. Театральная афиша представляла его как «мастера-менталиста», и он жалел, что в свое время не потребовал изменить текст. Слишком неумно... вульгарно. С другой стороны, это то, за чем так удобно прятаться. Можно представить себя вымышленным персонажем. Не каждому захочется лежать на спине в течение десяти минут, прислушиваясь к звуку собственного дыхания. А теперь, когда все позади, важно взять под контроль свои мысли, прежде чем они успеют ускользнуть в собственном направлении. Сегодня это заняло у него больше времени, чем обычно.

«Контроль» — слово из восьми букв. Ровно столько, сколько рядов на балконах.

Хватит, прекрати.

Винсент поднял глаза к первому балкону, где сидели те четверо, которых он заставил забыть собственные имена в первом акте. 23 места на каждом уровне — всего 184.

На балконе кто-то засвистел.

Стоп, Винсент. Дыши глубже и не додумывай эту мысль до конца. 184 места. Восемнадцатое в четвертом ряду. Восемнадцатое апреля — последний день гастролей.

По 23 места в ряду. 8 рядов. $2+3+8 = 13$ — столько вечеров ему осталось отработать.

Прекрати, прекрати, прекрати...

Винсент прикусил язык. Поклонился в последний раз и пошел со сцены. Остановился за бархатной кулисой, напротив боковой комнаты, и начал отсчитывать про себя. Один... Если на счет «десять» аплодисменты не стихнут, он снова выйдет на поклон. Два... В полумраке боковой комнаты мелькнула тень — женщина лет тридцати с небольшим. Три... Струйка пота на спине стала ледяной. Она все-таки пришла. Четыре... Просто на этот раз не стала дожидаться окончания представления, чтобы выбежать на сцену. Пять... Но как она пробралась за кулисы? Никто не может находиться здесь во время выступления. Тому, кто пустил ее сюда, придется за это ответить.

Винсент просил присматривать за этой женщиной, но с тем, чтобы мешать ей, а не помогать. Шесть... Теперь он, по крайней мере, знает, как она выглядит. Темные волосы убраны в «хвост». Пуловер... Семь. Глаза, приоткрывшиеся еще на несколько миллиметров перед тем, как она собиралась заговорить. Винсент понятия не имел, насколько она опасна... Восемь. Он делает ей знак замолчать и показывает большим пальцем в сторону сцены, давая понять, что еще не закончил. Может, здесь есть какой-то другой выход? Девять... Винсент пытается не думать о ней. Делает глубокий вдох, улыбается... Десять — и он снова выходит под лучи софитов.

— Спасибо, спасибо, дорогие мои... Понимаю, что вам хотелось бы оставаться здесь как можно дольше, но, боюсь, пора возвращаться. Действительность ждет вас. И если у вас возникнут проблемы со сном после сегодняшнего вечера, помните — это шутка, и не более того... — Винсент сделал паузу. — Можно сказать и так.

Публика рассмеялась — громко и немного нервно. Винсент тоже не смог сдержать улыбки. Это срабатывало каждый раз. Винсент поспешил за кулисы — хотя это было последнее, что ему хотелось сделать, — прежде чем зрители устремились в проходы между рядами. Артисту не годится задерживаться на сцене, когда публика уже покидает зрительный зал. А если они оставили в гардеробе

зимние куртки — как сегодня, например, — то сорвутся с мест еще раньше в наивной попытке избежать ожидания в очереди.

Когда Винсент вошел в боковую комнатку, женщина уже была там.

— Она здесь, — тихо проговорил он в микрофон. — Приведите охранника... немедленно.

Скорее всего, микрофоны давно выключили. Мастера по звуку могли его услышать разве по счастливой случайности. Фанаты Винсента по большей части были вполне адекватные люди, но он боялся сюрпризов. А в этой женщине, имевшей привычку бросаться на сцену сразу после выступления, чувствовалось что-то нездоровое. До сих пор Винсенту удавалось избегать встречи с ней лицом к лицу — но только не на этот раз.

Ему удалось с трудом собраться с мыслями. После шоу требовалось время, чтобы расслабиться, дать мозгу возможность вернуться в нормальный режим. Винсент просто не мог достаточно четко проанализировать ситуацию. Ему не оставалось ничего другого, как быть с ней приветливым — по крайней мере, до появления охранника. И держать дистанцию.

Чтобы выиграть время, он указал на короткую лестницу, ведущую в зеленую комнату. Женщина пошла впереди. Семь ступенек. На последнюю Винсент ступил дважды, чтобы количество шагов стало четным. Женщина впереди как будто ничего не заметила.

Он привел ее в помещение, меблированное под обычную гостиную. Где же охранник? Винсент снял жакет, бросил его на диван. Повернул бутылку по полке, чтобы все этикетки смотрели в одну сторону. Женщина осталась в куртке.

Винсент промокнул лицо влажной салфеткой, удаляя остатки театрального грима. Женщина поморщилась — почти незаметно. Отлично. Все, что могло заставить ее как можно быстрее покинуть помещение, было ему на руку. Винсент надеялся, что достаточно пропах потом.

— Не хочу показаться невежливым, — начал он, — но сюда нет хода посторонним. — Открыл бутылку с водой, налил в стакан, подозрительно разглядывая пузырьки. — Вы не можете здесь оставаться. Сценическое пространство закрыто для всех, не участвующих в постановке, и...

— Мина, — представилась женщина, оборвав его на середине фразы. — Мина Дабири. Я из полиции.

Потом поправила бутылку на полке, которая чуть развернулась после того, как Винсент взял соседнюю — теперь все этикетки снова смотрели в одну сторону, — и протянула Винсенту руку. Менталист слегка опешил.

* * *

Мина смотрела на мужчину в кресле по другую сторону темно-коричневого стола. Винсент Вальдер. Ей пришлось подождать, пока он сменит сценический синий костюм на джинсы и черную рубашку на белую. Хотя на улице стоял март и зима все еще держала Евле в холодных объятиях, менталист не надел ни пиджак, ни жакет.

К своему удивлению, Мина поймала себя на чувстве, что находит Винсента Вальдера привлекательным. Такое бывало с ней не так часто. «Стильный» — пожалуй, так. В нем чувствовалась благородная старомодная строгость, даже в обычной повседневной одежде, не говоря о сценической.

Винсент предложил ресторан, хотя она предпочла бы более приватную обстановку. Не в обычае Мины было менять планы, но она с самого начала решила оставить этот выбор за ним. В конце концов, это она пришла к нему. И поэтому щекотливый разговор, связанный с полицейским расследованием, пришлось продолжать «У Харри» — в единственном заведении, которое работало в Евле после десяти вечера.

После выступления Винсент выглядел более измотанным, чем она рассчитывала, и еда могла ослабить напряжение. Менталист не должен был ни на что отвлекаться,

в том числе на голод. Сама Мина сразу расслабилась при звуках, доносящихся со стороны прилегающего к залу бара. Здесь говорили по-сконски¹ и носили белые бейджи на ленте вокруг шеи. Похоже, какая-то конференция в одном из ближайших отелей. Но Мине подумалось, что эти люди похожи на школьников с висящими на груди ключами.

Витавший в воздухе запах пива и феромонов едва не заставил ее надеть маску, но эту мысль Мина тут же отогнала, полностью сосредоточившись на Винсенте. Она не нашла о нем ничего в полицейских базах. Пришлось искать другие источники информации. Согласно «Википедии» и другим сайтам через месяц менталисту исполнилось сорок семь лет, и фамилию «Вальдер» он носил не с рождения.

Его профессия — «менталист» — состояла в том, чтобы при помощи психологических приемов, гипноза и тому подобного создавать иллюзию медиальных способностей, прежде всего чтения мыслей. При этом, если верить одному из интервью, менталист не был чужд и иллюзионным трюкам. Они были здесь как нельзя кстати, особенно с учетом того, что лежало у Мины в папке. Информации о том, чем он занимался раньше и где родился, она не нашла. «Википедия» сообщала только, что Винсент Вальдер практикует вот уже пятнадцать лет, но известность получил совсем недавно, благодаря фильму, который прошел на четвертом канале.

В нем он, в частности, демонстрировал один психологический эксперимент со скрытой камерой. Винсент наугад выбрал человека, которому на протяжении дня делал внушения и подавал неуловимые гипнотические команды, при том, что бедная жертва ни о чем таком не подозревала. Под конец мужчина поднялся с постели посреди ночи, взял баллончик с краской и на стене в промышленной зоне написал большими буквами «Винсент Вальдер». Около сотни раз, что заняло несколько часов времени.

¹ С к о н е — провинция Швеции. П о - с к о н с к и — то есть на сконском диалекте.

Когда охранник, которого ни о чем не предупредили, спросил несчастного, чем он тут занимается, тот не понял, о чем речь. Мужчина не отдавал себе отчета в собственных действиях на протяжении последних часов и был немало удивлен, увидев пятна краски на своих руках и одежде. Мина ничего этого не видела, но о фильме много говорили. Этическая сторона эксперимента вызвала особенно много споров.

Сам Винсент объяснял, что темой эксперимента был фанатизм. Он всего лишь хотел продемонстрировать, как самые абсурдные идеи внедряются в подсознание и управляют нашим поведением совершенно незаметно для нас. Идея со стеной, похоже, была навеяна одним эпизодом из шоу британской группы комиков «Монти Пайтон». А когда Винсента спросили о содержании надписи, он ответил, что этот вариант показался ему наименее безобидным из всех, какие только могли прийти в голову. Кроме того, художнику не возбраняется подписывать свои работы. Последняя цитата имела широкое хождение в «Инстаграме» на протяжении нескольких месяцев, прежде чем все стихло.

Запах пережаренного масла достиг ноздрей Мины в тот момент, когда официантка поставила перед Винсентом тарелку с гамбургером и открытые емкости с майонезом и кетчупом. У Мины перехватило дыхание. Что угодно могло попасть в эти чашки на пути из кухни. Просто невероятное легкомыслие. Она инстинктивно достала пузырек с антисептиком, выдавила каплю на ладонь и протерла руки.

— После концерта мне нужны углеводы, — пояснил менталист извиняющимся тоном. — Иначе я плохо соображаю.

Он взял кусочек картофеля фри, обмакнул в майонез и отправил в рот. Мина внимательно следила за его действиями. Если б менталист обмакнул картофель и в майонез, и в кетчуп, ей пришлось бы вычеркнуть его из той части человечества, куда она успела его определить. Но

Винсент Вальдер ограничился майонезом, и это вселяло надежду.

— Прошу прощения за свое поведение, — продолжал он, — я принял вас за одну из своих поклонниц, у меня бывали проблемы с ними... Мне очень неловко.

Он развел руками.

Официантка поставила колу зеро перед Миной и пиво перед Винсентом. Мина достала из кармана одноразовую соломинку и сняла защитную пленку. Винсент поднял бровь, но промолчал. Когда она повернулась сказать пару слов официантке, та была уже вне досягаемости, и Мина остановила взгляд на Винсенте.

— Мне рекомендовали вас как профессионала, — негромко начала она. — Вы хорошо разбираетесь в человеческой психике, насколько я понимаю, и практикуете иллюзионные трюки. Это то, что нам нужно.

Винсент кивнул и сделал глоток пива.

— Трюками я увлекался в молодости, — поправил он. — Но в двадцать с небольшим понял, что карточные фокусы — не то, на что следует полагаться в жизни.

— Оставить оказалось достаточно?

— Я принял решение. Месяц спустя познакомился с первой женой, после чего трюки окончательно перешли в разряд хобби. Но с какой стати это интересует полицию?

Винсент взглянул на часы и продолжил, не дожидаясь ответа:

— ...что касается жены... прошу прощения, я должен ей позвонить. Мы всегда разговариваем в это время... Всего пара минут.

Мина начинала беспокоиться. Не первый раз за время их короткого знакомства Винсент Вальдер заставлял себя ждать. Коллеги часто упрекали Мину в излишней напористости, советовали быть терпимее к собеседнику, если она хочет расположить его к себе. Сама Мина не была уверена, что все это так важно. Эффективность расследования зависит от чего угодно, только не от ее дружелюбия. Об

этом Мине говорил ее вот уже почти десятилетний опыт работы в полиции. Тем не менее...

— Конечно, нет проблем, — ответила она, поудобнее устраиваясь на жестком стуле.

Опустив глаза в стакан с колой и мысленно отключив голос Винсента, пока тот разговаривал с женой, Мина вспоминала ящик, который они нашли почти с неделю тому назад. Он выглядел как реквизит для иллюзионного шоу в Лас-Вегасе — не хватало блесок, серебряных звезд или что там еще такое полагается. Так легко было представить ассистентку — женщину, потому что именно это их обычно сажают в такие коробки, — и мужчину-фокусника с длинными мечами в руке. И то, как он просовывает лезвия в сквозные отверстия под полные ужаса вздохи публики...

Мина, конечно, «прогуглила» и эту тему. Фокус с ящиком и ножами называли женоненавистническим. «*Sword casket*», «*sword basket*»¹ — у этого шоу было много названий. В первоначальном варианте это вообще был не ящик, а небольшая корзина с ребенком. Какая мерзость... Похоже, трюк давно стал классикой циркового искусства. Женщины и дети — вечные жертвы.

Но Мина согласилась на ужин в этом ресторане вовсе не из-за какого-то впопыхах сколоченного ящика. Причиной было скорее его содержимое — тело, которое им до сих пор не удалось опознать. Коллеги крепко увязли. Они испробовали все, что обычно делалось в таких случаях, и ничего не добились. Не сразу шеф Мины Юлия решилась прибегнуть к нетрадиционным методам.

Мина глотнула колы и перевела взгляд на участников конференции. Все, что угодно, лишь бы хоть на время отстраниться от ужасных воспоминаний, которые тем не менее ее не оставляли. Никто не мог упрекнуть Мину в излишней впечатлительности, просто случай и вправду был особый. Из одной стенки ящика торчали рукоятки

¹ «Ящик с мечами», «корзина с мечами» (англ.).

мечей, из другой — кончики лезвий. Тело молодой женщины внутри походило на пронзенную насквозь марионетку. Мина зажмурилась — слишком поздно...

Следствие до сих пор не установило, кто она. Подозреваемых также не было. Ящик с телом отправили Мильде Юрт, но Мина не верила в успех судмедэкспертизы. Тут требовался иной подход.

Внезапно Мина обнаружила, что Винсент на нее смотрит. Очевидно, он уже закончил говорить с женой. Мина прокашлялась, прогоняя навязчивые образы.

— Прошу прощения еще раз, — сказал он. — Теперь я ваш. Судя по выговору, вы не местная. Похоже, работаете в Стокгольме. И приехали сюда, в Евле, в этот поздний, непогожий вечер, чтобы поговорить о трюках и человеческой психике с менталистом? Вам меня рекомендовали, вы сказали? Чертовски любопытно узнать, что все это значит.

Винсент склонился над столом, подперев щеку рукой, но Мина решила на этот раз выдержать паузу. Дать ему возможность заглотить приманку как следует.

— Видела, как вы ставили автограф на гвозде, — улыбнулась она. — Художнику не возбраняется подписывать свои работы, так?

Менталист как будто смутился, а потом рассмеялся:

— Гвоздь? Должно быть, это выглядело невероятно пошло, но что мне на это сказать? Это то, чего ожидает от меня публика, особенно после того телешоу. Я всего лишь не хотел их разочаровывать. В конце концов, они заплатили за этот вечер деньги и потратили время.

Плечи Винсента опустились, он как будто расслабился. Похоже, градус напряжения и в самом деле несколько понизился, пусть ненадолго.

— И вы правильно заметили, — продолжала Мина. — Я не сидела бы здесь, если б это не было так важно. Мы расследуем одно дело, в котором я ничего не понимаю. До сих пор нам удавалось держать прессу на расстоянии, но это, так или иначе, вопрос времени.

Винсент отрезал кусочек гамбургера. То, что он воспользовался ножом и вилкой, несказанно обрадовало Мину. Возьми он этот жирный бургер в руку, она совсем не была бы уверена в том, что сможет продолжать эту беседу.

— Простите, — Винсент помахал вилкой с нанизанным на нее кусочком гамбургера, — но какое отношение это имеет ко мне?

Вместо ответа Мина достала из папки бежевый конверт и вытащила из него несколько фотографий. Те, на которых запечатлено пронзенное ножами тело, пролистая. Положила нужное сверху и зафиксировала кипу скрепкой. Большого менталисту видеть не нужно. Пока, во всяком случае.

— Вам знаком этот предмет?

Вилка зависла в паре сантиметров от его рта.

— *Sword casket*, — кивнул Винсент. — «Ящик с мечами».

И все-таки... я все еще ничего не понимаю...

Кусок гамбургера наконец отправился в рот.

— Я тоже, — вздохнула Мина. — Просто хотела сказать... — быстро поправилась она, — мы с коллегами совершенно не понимаем этого преступника. И надеемся, что вы увидите здесь больше. Ну, с учетом ваших возможностей, я имею в виду... Это и заставило меня обратиться к вам за помощью. Скажем так, этот ящик, который обнаружили мои коллеги, не был пустым. Нам потребовалось время, чтобы снять ее с лезвий.

Винсент прекратил жевать и побледнел.

— Нам все еще неизвестно, кто эта жертва, — продолжала Мина. — И я думаю, единственный способ хоть как-то продвинуться в этом расследовании — понять, что творилось в голове злоумышленника. Не скажу, что изуродованные трупы — такая уж редкая находка. К сожалению, нет. Не настолько редкая, по крайней мере, как того хотелось бы. Но в ящике для фокусов?.. Такого в моей практике действительно не бывало. Кому могла прийти в голову такая мысль? Зачем? Об этом я и хотела с вами поговорить. Я видела ваше шоу. Вы и в самом деле умеете читать мыс-

ли других людей. Лучше, по крайней мере, чем это делает большинство из нас. Помогите нам понять, кто он.

Винсент откинулся на спинку стула и прищурил глаза.

— Но у вас ведь наверняка есть психологи-криминалисты. Что я, по-вашему, могу сделать такого, чего не могут они? Профиль преступника — не то, чем я занимаюсь каждый день.

Он обмакнул картофельную «соломинку» в майонез.

— Но вы ведь не только психолог, но и маг, а это то, чего в полиции уж точно никто не умеет. И потом... — Мина огляделась и понизила голос, — в последний раз преступник, которого наш психолог определил как «этнического грека средних лет из высшего общества», оказался женщиной-шведкой, работницей склада.

Тут Винсент рассмеялся так, что остаток картофельного ломтика выпал у него изо рта, и приложил салфетку к губам.

— И все-таки ваша просьба кажется мне странной, — произнес он наконец. — Полицейское начальство, насколько мне известно, не одобряет вмешательство в расследование гражданских лиц. И у меня нет никакого специального образования. Я и в самом деле изучал механизмы человеческого поведения, но моя наука основывается на базовой психологии, общих статистических моделях и моих собственных наблюдениях.

— А как, вы думаете, работают психологи-криминалисты?

— Я шумен, мое дело развлекать публику. Никто не пострадает, если я где-то ошибусь в выводах.

— Кроме вас самого, — поправила Мина. — Вы достаточно доверяете своим способностям, чтобы рисковать собственной ладонью, которая в случае ошибки будет проткнута гвоздем.

Он слабо улыбнулся:

— И это то, чего я не должен делать... Но бог с ним, продолжайте... даже если я все еще не понимаю, чем могу быть вам полезен.

— Мы... — Мина запнулась, — наша группа занимает особое положение в полиции. Мы несколько выпадаем из обычной организационной схемы.

— В смысле?

— Ну... мой шеф Юлия — дочь начальника отделения, и...

— Понятно... — Менталист заговорщически изогнул бровь.

— Вы неправильно меня поняли, — поспешила объясниться она, подавив приступ внезапной злобы, которую Винсент, похоже, заметил. — Совсем не в этом смысле... Юлия — очень компетентный полицейский, прирожденный руководитель. И я не удивлюсь, если со временем она займет отцовское кресло. Но она, как и все мы, страдает из-за излишней жесткости, негибкости организации полицейского ведомства, скажем так... Если ей и удалось создать группу на особом положении, то, скорее, вопреки родственным связям.

— Только лучшие из лучших? — улыбнулся Винсент.

— Ну... — сухо протянула Мина, — было бы из чего выбирать.

— Специальная группа без специалиста нужной компетенции.

Мина все еще не знала, как ему это объяснить, и приняла еще одну попытку.

— Каждый из нас по-своему талантлив. Но люди есть люди, и у любого полицейского начальника найдется тысяча причин, чтобы выставить за дверь неугодного человека.

— И за что же выставили вас? — Он все еще улыбался одними уголками губ.

— Я правда не знаю. Я напориста, умею мыслить нестандартно...

— Но?.. — Винсент потянулся за следующим картофельным ломтиком.

— Но группе, где я работала, было со мной некомфортно... не могу понять, в чем здесь дело. — Кашлянув, Мина

продолжила: — Так или иначе, Юлия не возражает против вашего вмешательства в расследование. Что касается платы за ваши услуги, боюсь, она будет скромной. Зато вы получите возможность участвовать в действительно нужном деле.

— Более нужном, чем кривляние на сцене перед публикой, вы имеете в виду? — Винсент отодвинул от себя фотографии. — Вы путаете фантазии и действительность. Все мои трюки не всерьез, и мне жаль, что вы зря проделали этот путь. Но вы должны понять одну вещь. Я — шоумен, как я уже сказал. Я развлекаю народ. «Менталист» — вымышленный персонаж, не более того. То, что я делаю на сцене, там и остается. Со стороны может показаться, что я обладаю какими-то уникальными способностями, но на самом деле это может развить в себе каждый. Вы говорите о профиле преступника, убийцы к тому же. Но я ничего не знаю об убийцах. Повторюсь, что этим должны заниматься специалисты. Люди, которые, как вы выразились, «участвуют в действительно нужном деле».

Он избегал встречаться с ней взглядом, и Мина совсем не рассчитывала на такой поворот. Она ожидала чего угодно — того, что он сошлется на нехватку времени или на более важные дела. Она подготовилась к тому, чтобы поиграть на его профессиональной гордости, и никак не ожидала, что он станет лгать ей в лицо.

— Я все поняла. — Мина поднялась со стула.

Пришло время пустить в ход новую стратегию.

— Выходит, я ошиблась. Неудивительно, ведь вы были так убедительны на сцене... Прошу прощения. Я оплачу счет, и не будем больше об этом. Похоже, я оставила его на барной стойке возле сконцев...

— Они из Хельсинборга, — поправил Винсент, возвращаясь к гамбургеру. — Участники конференции по противопожарной безопасности. И я не стал бы мешать им, будь на вашем месте. Высокая женщина спиной к нам только что заговорила с мужчиной. В кои веки ей не приходится изгибать спину, чтобы собеседник не чувствовал

себя слишком маленьким рядом с ней. Жаль только, что именно этот мужчина женат. Некоторые полагают, что для перехода в разряд холостяков достаточно снять кольцо. Никогда не понимал их логики. Женатого мужчину видно за сотню миль — по множеству разных признаков. Но эти двое не хотят, чтобы их разоблачили, и ей, похоже, это нужно не меньше.

Мина, как могла, сдерживала улыбку. Винсент словно не вполне осознавал, о чем только что говорил.

— И потом, счет нам больше не нужен. Я давно его оплатил.

— Сколько ступенек отделяют сцену от зеленой комнаты в театре Евле? — быстро спросила Мина.

Он сразу посерьезнел.

— Восемь. Но почему вы об этом спрашиваете?

— Их семь. Если не ступать на одну дважды.

Менталист разинул рот. Эта особа из полиции становилась все более интересной. Винсент не привык к тому, что люди разгадывают его секреты. Мина села, уже не скрывая улыбки.

— Профессиональный прием, не более того. — Она снова придвинула ему фотографии.

— Хорошо, вы победили, — отозвался Винсент. — Пока, во всяком случае.

Верхний снимок в кипе съехал в сторону, и глазам Винсента открылось нечто более интересное. Мина не успела его остановить.

— Черт... — Лицо менталиста исказила гримаса.

— Именно так.

Он сощурил глаза, словно стараясь привыкнуть к тому, что увидел.

— А это что? — Ткнул пальцем в предмет в пластиковом пакете рядом с телом.

— Часы жертвы. Стекло разбито. Стрелки показывают три часа, и смерть, похоже, наступила именно в это время. То есть в три пополудни...

Винсент замотал головой:

— Нет, не часы, вот это...

Он показал на линии на бедрах жертвы, как раз под тем местом, куда вошел клинок. Две длинные линии пересекались с короткими, образуя узор, похожий на лестницу. Как казалось Мине, по крайней мере.

— Порезы, — ответила она, — ножевые, похоже. Возможно, таким образом преступник рассчитывал терроризировать жертву. В предвкушении того, что должно было последовать за этим.

— Но с какой стати такая точность? — удивился Винсент. — И это настолько не согласуется с тем, как он искромсал ее потом... Не думаю, что это ради лишних мучений. Эти линии — символ.

— Символ чего?

— Ну... этот образ имеет символическое значение во многих религиях. В Библии, к примеру, где Иаков поднимается на небо по лестнице. Фрейд связывал лестницу непосредственно с половым актом. Только не спрашивайте меня, как именно. Хотя... думаю, здесь все проще.

Винсент повернул снимок на девяносто градусов и продолжал разглядывать «лестницу» в новом, горизонтальном положении. А Мина поймала себя на том, что больше не видит ступенек. Теперь линии образовывали римскую цифру «три».

Повисла пауза. Голоса из бара перебивали мысли.

Молчание нарушил Винсент:

— Не хотел об этом спрашивать, но...

Мина кивнула.

— Догадываюсь, о чем вы подумали. Если есть третий номер, то где первый и второй?

* * *

С утра голова работала плохо. Слепящий солнечный луч, прилегающая к коже мягкая поверхность простыни и слабое послевкусие снотворного — вот и все, что обычно воспринимал Винсент в эти первые секунды между сном

и пробуждением. Блаженный вакуум и полная невозможность локализовать себя в какой-либо точке вселенной. Ощущение пространства, времени — это приходило позже.

Действительность вторгалась в его сознание постепенно. Звон фарфоровой посуды из кухни. Птица, защекотавшая, вопреки зиме, в домике, который соорудила для нее Мария. Голос сына Астона, то высокий, то низкий, так легко меняющий радостные интонации на гневные.

Винсент сел, откинув одеяло. Медленно, начиная с левой, опустил ноги на пол. Потом надел брюки и вчерашнюю рубашку, которую до того хотел бросить в стирку, хоть и носил всего один вечер. Верхнюю пуговицу проигнорировал, застегнулся на оставшиеся шесть. Так оно и должно быть. Он никогда не понимал, зачем на рубашки нашивают семь пуговиц. Похоже, эту модель разрабатывал психопат.

Когда Винсент вышел на кухню, там уже собралась все, кроме Ребекки.

— Иди пригласи к завтраку свою любимую доченьку, — сказала Мария, не глядя на мужа.

Как Винсент ни пытался, не мог вспомнить, когда слова, которые они говорили друг другу, не были нагружены таким множеством дополнительных смыслов и намеков. Ссоры, бытовые неурядицы и вечная подозрительность незаметно разрушили то, что некогда действительно было. Но когда именно это случилось, теперь установить невозможно.

Мария нарезала яблоки для Астона, озлобленно мешавшего ложкой йогурт. Зеленый чай в ее чашке давно остыл. Сонный Бенъямин сосредоточенно чистил яйцо, второе лежало перед ним на тарелке. Две тарелки — одна для яиц, другая для скорлупы.

Винсент постучался в комнату Ребекки.

— Ребекка? Выходи, завтрак накрыт.

Он сделал это, хотя заранее знал, каков будет ответ.

— Я не голодна, — послышался голос из-за двери.

— Тебе надо поесть. Выходи...

Уже сев за стол, Винсент услышал, как открылась дверь за его спиной, а потом со стуком закрылась. Бенъямин поднял глаза в направлении комнаты сестры, но ничего не сказал.

— Мама-а-а! — захныкал Астон. — Это слишком большие куски.

И оттолкнул от себя чашку с такой силой, что немного йогурта пролилось на стол.

— Но это не так, дорогой, кусочки такие же, как обычно. Сам посмотри...

Мария пальцем выудила из йогурта кусочек яблока. Она глядела на Астона сердито, но тот неожиданно рассмеялся:

— Йогурт не едят пальцами, мама. Это заняло бы слишком много времени.

— Но они и в самом деле слишком большие, — заметил Винсент, заглянув в чашку.

Он взял нож и принялся мельчить липкие кусочки яблока. Покосился на жену — та все еще злилась, облизывая палец. Винсент долго думал, что ему на это сказать. С Марией все зависело от того, насколько она в данный момент вменяема. Что успела подключить, приемник или передатчик. Иногда у Винсента получалось угадать, иногда нет.

— Чай стынет. — Винсент кивнул на чашку Марии.

Ответом ему был испепеляющий взгляд. Очевидно, сегодня угадать не получилось.

— Пусть мама режет. — Астон хлопнул ладонью по столу. — У нее кусочки красивее.

— Ты уже не маленький и сам можешь нарезать себе яблоко, — ответил сыну Винсент. — И тогда кусочки получатся такие, какие ты хочешь.

— Готовить завтрак — это ваша обязанность, — напомнил Астон.

— Уф, какой же ты еще малыш... — Ребекка плюхнулась на стул, демонстративно сложив руки на груди.

— Сама ты малыш! — закричал Астон, побагровев лицом. — Сама малыш!

— Мне пятнадцать, а тебе восемь, я почти вдвое старше тебя, — возразила Ребекка. — Поэтому малыш ты.

— Не-е-ет!

Астон сделал движение подняться, но Мария положила руку ему на плечо.

— Ребекка и вправду старше тебя, — сказала она, — но это означает только, что яблоки она нарежет себе сама. Она вообще все должна делать сама, а ты пока нет.

— Кто вообще ест яблоки на завтрак? — фыркнула Ребекка. — Верный гастрит.

Винсент покосился на плод раздора. Девятнадцать кусочков. Если каждый уполовинить, будет тридцать восемь. Сделать нечетное четным — такое всегда было ему по душе. Винсент понимал толк в символах. Когда бесформенному получается придать цельность, это вселяет надежду. Винсент любил свою семью, но ему трудно было жить в хаосе.

И еще он любил порядок — структуру, четные числа.

— Ешь, зануда...

Винсент подвинул чашку Астону, который еще некоторое время как будто раздумывал, что ему еще такого сказать про кусочки яблока. Но поскольку он не знал, кто такой «зануда», решил на этом успокоиться. Ограничился тем, что сердито посмотрел на отца и приступил к еде.

— Возьми хотя бы бутерброд, — уговаривала Мария Ребекку. — Или йогурт. Что угодно — тебе надо поесть.

— У мамы мне совсем не обязательно завтракать, — возразила Ребекка. — И сама она ест не раньше двенадцати, если ест вообще. Организм должен отдыхать от переваривания пищи. Наши тела не созданы для того, чтобы так много есть. В каменном веке люди ели время от времени, иногда сутками обходились без пищи.

— Это слова твоей матери, не твои. И мы живем не в каменном веке. Винсент, скажи ей...

— Но Ребекка права. — Винсент налил себе кофе. — Наши тела и в самом деле плохо приспособлены под современные пищевые привычки, и последние исследования показали, что...

Мария резко встала и взяла блюдо со своим любимым бутербродом — авокадо на ломтике ржаного хлеба, — густо присыпанный кокосовой стружкой. Цена — как за килограмм золота, зато какой противовоспалительный эффект! А в глазах Марии — так и вообще источник вечной жизни.

— Неужели так трудно хотя бы раз встать на мою сторону? — возмутилась она. — Ребекка должна есть — о чем здесь спорить? Она растет, ее тело только формируется. У девочек ее возраста от нехватки питательных веществ прекращаются месячные.

— Черт возьми, — выругался Беньямин. — Вы можете не говорить о месячных, когда я ем?

— Тебе девятнадцать лет, Беньямин, — напомнил Винсент. — Пора перестать быть таким брезгливым. В конце концов, речь идет о естественных жидкостях организма...

Беньямин глянул на отца, поднялся, взял оставшееся яйцо в руку и удалился в свою комнату, качая головой.

— У тебя ЛСД, папа, — сухо констатировала Ребекка.

— Запомни раз и навсегда, — возвысил голос Винсент, — эта болезнь называется а-эс-дэ... иначе говоря, высокофункциональный аутизм... понятно?

Проигнорировав их спор, Мария продолжала гнуть свою линию:

— Ты все время ссылаешься на свою маму. Но, Ребекка, ты должна понять, что в каждой семье приняты свои правила. И то, что вы делаете дома с Ульрикой, совсем не обязательно повторять здесь, у нас.

— Конечно, тетя Мария.

Ребекка тоже встала, захватив кусок хлеба из корзинки на столе, с торжествующим видом пронесла его мимо «тети Марии», проследовала в свою комнату и хлопнула дверь.

— Отлично. Спасибо, мама! Теперь мы пойдем кормить едошек. — Астон быстро задвинул стул и побежал в гостиную к аквариуму.

— Евдошек! — крикнул ему вслед Винсент. — Рыба называется «американская евдошка».

— Я знаю! — отозвался Астон, щедро рассыпая корм по поверхности воды в аквариуме. — Они такие классные, эти едошки!

Потом взял айпэд, лежавший на зарядке на кухонном диванчике, и удалился к себе.

— Пять минут, Астон! — крикнул ему вслед Винсент. — Потом мы отправляемся в школу!

Мария прислонилась к кухонному диванчику и сложила руки на груди — точь-в-точь, как это только что делала Ребекка.

— Она назвала меня тетей только для того, чтобы позлить, — вздохнула она.

Винсент посмотрел на жену с недоумением:

— Но ты и есть ее тетя. Ты ведь сестра ее матери, если я не ошибаюсь? Ребекка правильно тебя назвала. Как ты можешь на это сердиться?

Винсент никогда не понимал, зачем некоторые люди тратят столько энергии на опровержение объективных фактов. Он потянулся за кусочком ржаного хлеба и старательно размазал по нему масло. Никаких комков, особенно по краям.

— Дело, конечно, не в этом, — продолжала Мария. — Неужели ты действительно ничего не понимаешь? Боже мой, за какого робота я вышла... Нет, ты говоришь так мне назло.

Винсент наморщил лоб. Он и в самом деле хотел понять, но реакция Марии оставалась для него непостижимой. Факты — это факты. Насколько эмоционально человек их воспринимает — другой вопрос, но отворачиваться от фактов как таковых — последнее дело.

— Кстати, с кем это ты обедал позавчера? — снова слышался голос Марии. — Неужели с Ульрикой?

Винсент повернул к ней удивленное лицо. Он только что откусил от бутерброда и должен был прожевать, прежде чем ответить. Десять движений жевательными мышцами. Он чуть было не сделал одиннадцатое, но вовремя спохватился.

— С какой стати я должен обедать с бывшей женой? — спросил он.

— Я видела счет из ресторана в мобильном банке и нашла чек в твоём кошельке. Ты кого-то приглашал в ресторан в Евле. А потом вернулся с ней в отель, да? У вас был секс?

Голос Марии сорвался на фальцет. Винсент выругался про себя. Он должен был это предвидеть. Мария ревновала его — в последнее время все чаще и совершенно необоснованно. Это тоже разрушало их брак, точнее, то, что от него осталось.

— Это была женщина из полиции, — ответил он. — Она приехала в Евле, чтобы обсудить со мной убийство, которое расследует.

— Убийство...

— Да. Дело в том, что это связано...

Мария подняла руку, останавливая его:

— Объяснишься позже. Астону пора в школу.

— Но...

Она развернулась и направилась к комнате сына.

— Астон! А ну быстро! Оставь в покое подушку, вы выходите через пять минут.

И удалилась в направлении спальни.

Винсент озадаченно смотрел на бутерброд. Мина — женщина из полиции — не шла у него из головы. Где-то в глубине души Винсент надеялся, что она объявится. Он разгладил ножом масло, потому что после первого укуса по краю бутерброда образовались «бортики». Шесть кусочков — это хорошо. Но теперь их оставалось пять, и это нравилось Винсенту гораздо меньше.

За недолгое время их знакомства Мина продемонстрировала уникальную способность видеть его насквозь.

Винсент делал то же, что и всегда, — разыгрывал перед ней Великого Артиста. Он привык к этой маске, до сих пор защищавшей его от журналистов, и не только. Как правило, им этого хватало. Все они ожидали увидеть его именно таким, поэтому проблем не возникало. Но Мина заметила, как он считал ступени на лестнице, как поправлял бутылки на полке, чтобы этикетки смотрели в одну сторону. И заставила его высказаться насчет публики в баре. Одно это было гораздо больше, чем то, что знали о нем Мария или Ульрика. А ведь с каждой из них он прожил по многу лет.

Винсент откусил от бутерброда — один, два, три — и проглотил все, что осталось после третьего укуса.

Мина должна быть очень толковым полицейским. Она не просто внимательна. То, с какой легкостью она разоблачала его секреты, льстило Винсенту и одновременно пугало его. Но и он тоже кое-что в ней понял.

Последнее не было для него нормой, и Мария первой подписалась бы под этой истиной. Одно дело — читать мысли людей на сцене; в этой среде Винсент контролировал себя и других по всем нужным ему параметрам. Но в обычной жизни другие оставались для него тайной за семью печатями. Иногда Винсенту казалось, что в тот день, когда в школе раздавали инструменты социальной гибкости, он заболел. Поэтому и понадобилась эта маска Великого Артиста, который насквозь видит публику. Вне сцены Винсент не чувствовал в себе этой силы.

— Астон! — позвал он.

Сын вышел из комнаты с рассеянным видом и планшетом в руке. Похоже, он и в самом деле забыл о школе.

— Надевай куртку и обувайся. Мы уходим.

Винсент взял светло-серую кофту с капюшоном. Астон обнял мать, появившуюся в прихожей с рюкзаком в руке, и она ответила ему поцелуем в щеку.

В том-то и дело, что Мина не была для Винсента загадкой. Не такой, по крайней мере, как другие люди. Он заметил ее привычки, — то, как она убирала волосы с лица

правой рукой, как избегала открывать ему больше самого необходимого. В кармане ее куртки лежал кубик Рубика. И не какой-нибудь, а спидкуб, приспособленный для быстрого вращения.

Что и говорить, было бы интересно еще раз с ней встретиться. С другой стороны, Винсент надеялся, что Мина больше не объявится. Он не чувствовал особенного желания впутываться в расследование, почти гарантировавшее ему ночные кошмары. Мир Винсента и без того грозил в любой момент развалиться на куски, и незачем было насылать его изуродованными женскими трупам.

* * *

Под струями обжигающе горячей воды кожа пошла красными пятнами, зато Мина сразу почувствовала себя чистой. Как будто окунулась в кипяток, уничтоживший на ее теле все микроорганизмы.

Теперь она была как белый холст без единого пятнышка — именно так это ощущалось. После душа Мина сразу почувствовала себя сильнее. В выходные она, бывало, часами стояла под струями, пока кожа не становилась красно-фиолетовой, как изюм. Но сегодня больше десяти минут не получилось. Мысли в голове никак не давали успокоиться.

Винсент Вальдер. Мина все еще не была уверена в том, что нуждается в его услугах. Что такого, в самом деле, мог он добавить к тому, что умели их штатные психологи? Вся эта затея — чистое безумие, и это совсем не похоже на Мину. Не в ее обычае попусту тратить рабочее время и ресурсы. Плюс неприятные объяснения с коллегами. Но дело, так или иначе, сделано. Время покажет, на что годится этот менталист. Вообще, Винсент Вальдер — крепкий орешек. Мина не сомневалась, что тот Винсент, с которым она сидела в ресторане, — лишь малая часть настоящего. О, это человек с очень глубоким подтекстом... И его снисходительные намеки — последнее, что нужно Мине.

Соломинку он, конечно, заметил. Вопрос, что он заметил еще. С другой стороны, если он ничего не сказал, стоит ли озадачиваться его мыслями? Вот если б Винсент стал ее жалеть или проявлять сострадание, в том или ином его виде, как это делают другие, тогда Мина точно не приняла бы от него помощи и Юлии пришлось бы искать кого-нибудь другого.

Мина выключила кран, осторожно шагнула из ванны и тщательно вытерлась. Полотенце было выстирано при девяноста градусах, с порошком и отбеливателем, и пахло чистотой, как и ее кожа. Это ненадолго тем не менее. В квартире ощущение стерильности сохранялось круглые сутки, но стоило Мине выйти на улицу, как город укутывал ее своим грязным покрывалом.

Мина оделась и только после этого вышла из ванной. Белый бюстгальтер, майка, джинсы, черные носки. Трусы, как всегда, новые. Те, что были на Мине до душа, она выбросила. Стирать их — не лучшая идея. Никакие моющие средства не вернут свежесть ношенным трусам. Мина знала место, где можно было задешево купить обыкновенные хлопковые трусы, и брала их большими партиями. С некоторых пор эта статья расходов вошла у нее в разряд необходимых.

Сегодня Мина встала рано, так что в ее распоряжении оставался еще целый час. В желудке заурчало. Мина выдвинула ящик и посмотрела на упаковку тонких одно-разовых перчаток. Так ли они ей нужны? В конце концов, никто еще не умер от того, что взял голыми руками упаковку йогурта. Мина знала это, но одна мысль о том, чтобы вот так, не имея на себе никакой защиты, открыть холодильник с продуктами, заставляла желудок болезненно сжиматься.

Мина вздохнула и осторожно, чтобы не порвать, натянула пару перчаток. Коллеги в отделении одно время смеялись над ее странностями, пока на Рождество все, кроме нее, не слегли с гастроэнтеритом. Тогда настала очередь Мины смеяться.

Мина быстро оценила возможные варианты и остановилась на ванильном творожке. Осмотрела упаковку и, убедившись, что та не повреждена, осторожно открыла. Потом достала чистую ложку, вымыла, взяла с посудного столика бутылочку медицинского спирта, капнула на ложку и осторожно растерла. При этом представляла себе, как дезинфицирующее средство убивает вирусы и бактерии — отвратительные микроскопические микроорганизмы, которые так стремятся проникнуть в ее тело.

В этом нет никакой необходимости. Ты чистая, только что вымылась под душем.

Возможно. Но как можно быть уверенной, что бактерий больше не осталось, если ложка не продезинфицирована как следует? В конце концов, Мина сунет ее в рот.

Последняя мысль заставила ее еще раз схватить бутылочку со спиртом.

Ну нет. Это уже паранойя. Немедленно поставь бутылку на место. Ложка чистая.

Но на это Мина не находила в себе сил. В очередной раз открывая пластиковую бутылочку, почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она должна была это сделать. Долго терла ложку, рискуя оставить в ней дыру.

Сев за стол, Мина еще некоторое время смотрела на пластиковый стаканчик с творогом. Она старалась не думать ни о всех тех, через чьи руки он прошел, ни о миллиардах заразных микросуществ, которыми кишели эти руки. Уверяла себя, что на фабрике с гигиеной не менее строго, чем у нее в квартире, — и все-таки не решалась. Но не могла же она ничего не есть.

Брезгливо морщась, Мина зачерпнула ложкой творог и поднесла ко рту. Сначала ощутила на языке дезинфицирующее средство и только потом вкус творога. Съев все, почувствовала себя героиней. Каждый прием пищи оборачивался для Миной маленькой победой над собой. Выбросив упаковку, она вскипятила кофе. С ним оказалось проще, Мина сама не поняла почему. Хотя чашку все-таки протерла.

Оставалось еще полчаса, и Мина приступила к утренней уборке.

Это не было манией — предусмотрительность, и не более того. Она не убиралась со вчерашнего дня. Из шкафчика под посудным столиком достала большое ведро со всем необходимым. Жидкость для помывки окон, мыло, каустическая сода, универсальный порошок, гель для кухни, для посуды, спиртосодержащий для дезинфекции, «утенок» для туалета. А также множество тряпок, губок, щеток, салфеток из микрофибры, «ежиков» и вантузов — одноразовых, конечно, потому что все, кроме моющих средств, выбрасывалось после каждой уборки и тоже закупалось в известном Мине месте по оптовой цене большими партиями. В маленькой комнате, задуманной как кабинет, но служившей складом, высились пирамиды картонных ящиков с щетками и губками.

Покончив с уборкой, Мина почувствовала, что вспотела. Понюхала у себя под мышками — и тут же пожалела об этом. До выхода десять минут. Юлия просила ее как можно скорее представить Винсента группе. Мина собиралась подождать еще один день, но менталисту не терпелось принять окончательное решение — с ними он или нет. Мина надеялась, что он все-таки согласится им помочь. Винсент пробудил ее любопытство, несмотря ни на что. Она взглянула на часы. Времени впритык — быстро принять душ и переодеться.

* * *

— То есть я могу выбрать что захочу?

Стеффо Тёрнквист тыкал пальцем в то, что лежало перед ним.

Винсент кивнул и замигал на свет яркой лампы в студии утренних новостей четвертого канала. Пора привыкнуть, он здесь не впервые. Тем не менее каждый раз они умудряются направить луч прямо ему в глаза.

Винсент откинулся на спинку стула и как будто расслабился. Попытался забыть о снимках, которые Мина показывала ему на прошлой неделе. С тех пор они не общались. Не исключено, что она давно отказалась от этой затеи. Винсент сделал все возможное, чтобы убедить эту женщину в том, что он не тот, кто ей нужен. Слишком большая ответственность. Не говоря о том, что он до сих пор мучился вопросом, каким способом она собирает этот чертов кубик.

Фокус, Винсент.

Ты должен быть здесь и сейчас. В конце концов, это прямая трансляция.

— Выберите что хотите, — ответил он Стеффо, — и делайте это не раздумывая. И попытайтесь сформулировать свои чувства.

Стеффо смотрел на стол. Там лежали автомобильные ключи Йенни, булочка, позаимствованная Винсентом с завтрака, который накрыли для гостей студии, мобильник Стеффо и потертый кожаный бумажник Винсента, украшенный портретом Че Гевары.

— Тогда это. — Стеффо взял бумажник. — Я чувствую... в общем, это то, что мне понравилось.

— Бумажник, значит... — медленно проговорил Винсент. — И вы действовали по собственной воле?

— Именно так. — Стеффо рассмеялся. — В здравом уме и твердой памяти.

— Но, скажем, вот эта булочка, — вмешалась Йенни и моргнула в камеру, — чертовски аппетитно выглядит, вы не согласны?

— Что ж, вольному воля. — Винсент криво улыбнулся и кивнул на бумажку на столе.

— Вслух, пожалуйста, — попросила Йенни.

Но Стеффо отдал бумажку ей, и Йенни сама зачитала текст хорошо поставленным дикторским голосом:

— «Мои действия определяются двумя факторами — моими собственными предпочтениями и системой ценностей и влияниями окружающих. Все вместе это означает,

что я выберу кошелек с вероятностью девяносто процентов, даже если сам не понимаю почему».

Йенни перевела взгляд на Стеффо, который выглядел сильно раздраженным. Винсент отпил воды. Йенни снова повернулась к камере, за которой качал головой удивленный оператор.

— Для тех, кто еще не выключил телевизор, повторяю, что Винсент Вальдер снова в студии четвертого канала, чтобы объяснить, как работают наши мозги и, возможно, еще больше их запутать.

Винсент посмотрел на монитор рядом с камерой. Красные цифры продолжали вести обратный отсчет. 04:14 — на все про все четыре минуты. 414 — четвертая, первая и снова четвертая буквы в алфавите; образуют слово DAD. То есть «папа». Наверное, ему не следовало привозить Астона на прямой эфир, но восьмилетний сын так обрадовался при виде булочек и бутылок с апельсиновым соком в комнате для отдыха... Главное теперь — не опоздать в школу.

— То есть, — неуверенно начал Стеффо, — звучит так, как будто я не осознаю мотивов собственных действий. Но как я могу не осознавать собственные предпочтения и систему ценностей?

Судя по голосу, он был возмущен до глубины души. Винсент пережил секунду замешательства, прежде чем мысли вернулись в нужное русло.

— Вы не полностью их осознаёте, в том все и дело, — объяснил он. — Сильное потрясение в детстве, психическая травма могут и спустя много лет заставить человека вести себя определенным образом. Вы сами не будете это осознавать, но ваше поведение в определенной ситуации будет предсказуемо почти на сто процентов.

— Неужели все так просто? — удивилась Йенни. — То есть если в детстве я упала с велосипеда, буду ненавидеть велосипеды всю жизнь?

— На тебя, во всяком случае, это похоже. Я имею в виду порчу мебели в студии и то, как ты совсем недавно чуть не устроила здесь пожар.

Йенни холодно посмотрела на Стеффо. Он намекал на то, как она недавно пыталась поджарить сырные палочки в прямом эфире, а они загорелись. Эпизод имел широкое хождение в социальных сетях.

— Не уверен насчет велосипеда, — ответил Винсент, — но если на вас наедет синяя «Ауди», вы будете долго испытывать стресс при виде синих машин. Если, конечно, вообще останетесь живы. Хотя... совсем не обязательно, чтобы все было настолько драматично. Главное — пережить сильный эмоциональный всплеск. Эмоции...

Еще минута. Нужно поторопиться.

Фокус, Винсент, фокус...

— Это примерно то, что я пережил в «Давайте танцевать», — оживился Стеффо. — Черт, как там было весело! Вот где сильные эмоции. Помню как сейчас...

— О, только не это... — Йенни закатила глаза.

А Винсент понял, что Стеффо приблизился к нужной точке.

— Очень может быть, что здесь и кроется разгадка, — объявил он. — Сильные положительные впечатления в сочетании с событиями вашего прошлого. Эти воспоминания вызывают у вас приятные ощущения, поэтому вы и возвращаетесь к ним снова и снова. Помните, что было на вас в тот день, Стеффо?

— Очень даже хорошо помню. Белая куртка с капюшоном... — Он замолчал и испуганно уставился на Винсента: — Но... вы ведь не всерьез, да?

— Что такое? — Йенни повернулась к нему. — В чем дело?

Часы на мониторе показывали 00:10. Еще десять секунд, и начнется реклама. Винсент уложился почти идеально.

— Белая куртка с портретом Че Гевары. — Стеффо озадаченно мял в руке бумажник, на котором оператор увеличил изображение знаменитого революционера.

— Неужели все так просто? — продолжала удивляться Йенни.

Винсент улыбнулся:

— Иногда.

Трансляция была прервана из-за рекламы спустя секунду после того, как он перевел глаза на камеру. Что бы там ни говорили, а с прямыми эфирами у него всегда полный порядок.

Винсент положил руку на плечо Стеффо:

— Спасибо за участие. Бумажник можете оставить себе.

И вышел из студии первым. За спиной участники программы оживленно обсуждали эфир. Винсент надеялся, что Астон оставил для них хотя бы половину булочки. На пути к комнате отдыха включил мобильник и посмотрел не принятые за время эфира звонки. Их было три, и все от Мины.

* * *

Мина спустилась по узкой лестнице в короткий коридор с зеркалом на стене над туалетным столиком. Коридор заканчивался комнатой с двумя диванами, столом, на котором стояли блюдо с фруктами и вазочка с конфетами, и стеклянным холодильником, до отказа набитым бутылками с газированной водой.

— В прошлый раз вы говорили, что сюда нет хода посторонним, — напомнила она.

— Для тех, кого я не знаю, — да, — ответил Винсент. — В любом случае это не распространяется на блюстителей закона.

Мина огляделась.

— Довольно уютно, — заметила она. — Я представляла себе это иначе — застарелый запах пива, обшарпанные стены с газетными коллажами...

Честно говоря, поначалу Мине не понравилось его предложение встретиться за кулисами «Риваля», где у Винсента было выступление. При ней были пара латексных перчаток и салфетка, чтобы расстелить на стуле, перед тем как сесть.

— Бывает и такое, — ответил Винсент. — «Риваль» — лучшая площадка в городе, вы должны быть довольны.

Кроме того, под сценой идеальная звукоизоляция. Здесь нас никто не может слышать.

Он был прав. Помещение и в самом деле выглядело чистым и недавно отремонтированным. Мина вздохнула и опустилась на один из диванов. Судя по поведению пружин, она была первой, кто его использовал. То есть никаких взъерошенных поклонниц с барабанщиком группы в обнимку и бутылкой пива в другой руке. А значит, салфетку для сидения можно не доставать.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, — продолжала Мина. — Что вы решили с нашим предложением? Завтра утром я могла бы представить вас нашей группе. Расскажите ваши идеи насчет порезов на бедре жертвы. Это очень интересно.

Винсент удивленно смотрел на гостью:

— Но... разве вы этого сами не увидели?

— Мы... как вам сказать... искали другое. Прежде всего хотели идентифицировать ее и найти хоть какой-то подход к преступнику. И в этом, как я уже говорила в Евле, мы не слишком далеко продвинулись. Но то, что порезы на теле жертвы могут иметь символическое значение, для нас из области фантастики.

Винсент вздохнул. На лицо набежала тень, как будто он вдруг закрылся от собеседницы.

— Повторюсь, я не профессионал... Из области фантастики, вы сказали? Хм... В таком случае вы правы. Мои услуги вам не нужны. Угощайтесь...

Он подвинул ей вазочку с конфетами. Мине понравилось, что все они были в бумажных обертках. Значит, оставались защищены, даже если в вазочке рылась чужая грязная рука. Мина задалась вопросом, специально ли Винсент подобрал такие конфеты. Успел ли разглядеть эту ее особенность? Если да, оставалось ждать, когда начнутся неприятные намеки. Большинство людей, ступив на эту дорожку, не могли остановиться. Но Мина надеялась, что Винсент — не большинство.

С другой стороны, ей было неприятно, что малознакомый человек читает ее, как открытую книгу. На дне ваочки лежала «Думикола» — ее любимая конфета. Жаль, что так далеко. Прежде чем до нее добраться, Мина успела перебрать слишком много конфет в обертках, которых касались чужие грязные руки. Она посмотрела на «Думиколу» и покачала головой, отказываясь от угощения.

— Думаю, вы все-таки не ошибаетесь насчет порезов. Поэтому я и хотела, чтобы вы рассказали об этом остальным. Я считаю, что вы правы. Мы должны были сами увидеть эту цифру. Но мы ее не увидели, и поэтому нам нужна ваша помощь.

— С удовольствием, если смогу хоть чем-то быть вам полезен, — ответил Винсент. — Но, боюсь, я неэффективен в группе. Просто чтобы вы знали.

А кто эффективен? Группа — это всего лишь чужие люди, которые думают, что знают тебя, только потому, что ты работаешь с ними в одном месте. Мина никогда не понимала, почему в таких коллективах принято грузить людей рассказами о поездках на выходные и сколько зубов появилось у ребенка во рту. Как будто это кому-то интересно.

— Значит, завтра в девять утра в отделении полиции. — Мина встала. — Встретимся у главного входа. А теперь возвращаю вас публике. Она, похоже, в нетерпении.

Винсент возвел глаза к потолку и в следующий момент снова превратился в «мастера-менталиста».

— У меня для вас сюрприз, — сказал он. — Вот здесь...

Затем исполненным загадочности движением фокусника достал из холодильника бумажный пакет и протянул Мине.

«Думикола» — полная непечатая коробка.

— Увидимся завтра. — И он кивнул.

* * *

Отделение полиции на Кунгсхольмене, на Польхемсгтан, легко было узнать по большим гербовым щитам на воротах. День выдался сырой и туманный, серое небо вот-

вот грозило разразиться осадками — мокрым снегом, на лету переходящим в дождь. Похлопывая себя руками, чтобы хоть как-то согреться, Винсент присматривался к людям, входившим и выходящим из стеклянной двери, но Мины среди них не было. Март явно не его месяц. Плюс неприятное ощущение, как будто бабочка бьется крыльями о стенки желудка, — нарастающее разочарование из-за грозившей сорваться встречи. Похоже, менталиста здесь и в самом деле не очень ждали.

Наконец она появилась — в красном пуловере. Винсент не мог не обратить внимания на то, как одета Мина, — вызывающе и в то же время сдержанно. Разумеется, он отдавал себе отчет, что красный автоматически запускает секрецию адреналина, — у Винсента, как и у всех остальных представителей рода человеческого на протяжении многих сотен тысяч лет. Потому что это цвет крови. И наши лица краснеют в гнев. Чем больше адреналина в теле, тем больше шансов убежать.

— Все искала, куда вы запропастились... — Она улыбнулась. — Почему стоите на улице? Уж не надумали ли дать задний ход?

— И такая мысль тоже приходила мне в голову.

Мина озорно взглянула на него, и Винсент почувствовал хороший всплеск кортизола, гормона стресса, в купе с дофамином, «веществом радости». Все это способствовало секреции серотонина и заставляло тем самым мозг крутиться на полную катушку. Но и уровень тестостерона поднялся процентов на сорок. Типичный коктейль гормонов в ситуации, когда встречаются два человека. Вступают, так сказать, в химическую реакцию, даже если на расстоянии. Никто в ученом мире не может найти объяснение этому явлению, при этом все уверены, что именно так все и происходит. Винсент задался вопросом, чувствовала ли Мина то же самое. По правде говоря, он с самого начала не рассматривал побег в качестве одного из возможных вариантов. Для этого Мина была ему слишком интересна.

— Вы тысячу раз выступали перед незнакомыми людьми, — сказала она. — В принципе здесь то же самое. Поидемте.

* * *

Винсент с любопытством оглядывался, когда Мина вела его по коридорам здания полиции. Все выглядело в точности так, как он и ожидал увидеть, — строго, даже казарменно. Маленькие кабинеты, до потолка заваленные бумагами, полки с длинными рядами папок. Открытые офисные ландшафты, разделенные перегородками на рабочие места, и повсюду чашки с полицейскими логотипами. Они подошли к стеклянной двери, изнутри задрапированной шторой, и Мина остановилась.

— Ну что? Готовы войти в клетку со львами?

Это обычное выступление — не более того. Ему не о чем беспокоиться. Если что и вызывает тревогу, так это красный пуловер Мины. И способствует еще большим выбросам кортизола в кровь.

Винсент не мог не заметить, что и она нервничает, и попытался угадать, чем это вызвано. Сомневалась ли Мина в правильности своей идеи относительно Винсента или же до сих пор не вполне ясно представляла себе его роль и потому не знала, как объясниться с коллегами? Вполне понятное беспокойство. Только им обоим нервничать ни к чему. Винсент стал подыскивать слова, чтобы ее успокоить.

— Мне все равно, перед кем выступать, здесь вы были правы, — сказал он. — Это групповая динамика — не более. Устоявшиеся группы всегда реагируют на введение нового элемента. Фрейд был одним из тех, кто уделял много внимания изучению психологии группы. Он ввел понятие «групповой души» — разновидности коллективного сознания. Идея в том, что группа в целом склонна действовать иначе, чем каждый из ее участников по отдельности.

Мина посмотрела на него с удивлением:

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Ну... я тоже практикую его групповую психологию в своих шоу. Подход к большой аудитории совершенно иной, чем к отдельному человеку. Разные реакции, разные модели поведения — и я должен учитывать этот фактор, чтобы управлять публикой. В значительной части я опираюсь на теорию поля Курта Левина. В основе ее лежит положение о трех полевых параметрах. Первый — энергия, то есть то, что, если можно так выразиться, причиняет и мотивирует действия. Второй — напряжение, которое определяется разницей двух состояний — желаемого и исходного. Наконец, третий — физическая или психическая потребность, вызывающая внутреннее напряжение.

Не отрывая глаз от Винсента, Мина покачала головой. Он видел, что ее нервозность прошла. Переключение внимания — один из простейших трюков из имевшихся в его арсенале. Как правило, это срабатывало. Причем в обоих направлениях, в чем Винсент давно успел убедиться. Вот и на этот раз его волнение улеглось. Не совсем, но заметно.

— Расскажите о вашей группе, — попросил Винсент. — Я имею в виду структуру, организацию и тому подобное.

— Все это не так важно, — коротко ответила Мина. — Структура полицейских учреждений сложная, и эта тема займет у нас слишком много времени. Вообще, преимущество нашей группы и состоит в том, что на нас не распространяется обычная иерархия. Но окончательное решение остается за Юлией, и это все, что вы должны знать.

Мина открыла дверь, и оба переступили порог. Три пары глаз уставились на вошедших. Их должно было быть четыре, но один мужчина из находящихся в комнате спал.

— Всем привет. Это Винсент Вальдер. Юлия уже рассказала вам, что он приглашен в качестве консультанта по некоторым касающимся расследования вопросам.

Тишина, изнутри нарушаемая негромким храпом. Спать на работе, да еще и во время совещания? Винсент подыскивал возможные объяснения этому феномену. Нарколепсия — вот первое, что приходило в голову. Или

же мужчина недавно стал папой. Последнее статистически более вероятно. Пятно рвоты на плече спящего также свидетельствовало в пользу этой версии.

— Добрый день, — поздоровался Винсент. — Меня зовут Винсент, как уже сказала Мина. Я менталист, то есть моя профессия связана с изучением возможностей манипуляции человеческой психикой и поведением. Но я не психолог и не психотерапевт и использую эти знания главным образом для развлечения публики.

Мужчина с сединой в волосах презрительно фыркнул.

Он неплохо выглядел, но в его серьезном взгляде чувствовалось отчаяние по поводу надвигающейся старости. При этом он, безусловно, знал себе цену. Рубашка, растегнутая на одну лишнюю пуговицу, тоже кое о чем говорила. Красные высыпания на видимой части груди свидетельствовали о недавно сделанном вощениии. Винсенту пришло в голову, что он, пожалуй, из тех, кто любит подкреплять раздутое самомнение победами на любовном фронте. Такому не нужно спрашивать разрешения, чтобы получить то, что хочется. Подтверждение тому — развитая *pectoralis major*, большая грудная мышца. Забавно, что грудь — то, что привлекает женщин в мужчинах и мужчин в женщинах, но по разным причинам. Большая женская грудь говорит о хороших возможностях вскармливания потомства, а большая мужская — о физической силе. При условии, конечно, что это не пустышка, накачанная стероидами.

— Простите, — прервала его мысли Мина. — Я не представила коллег. — Она начала с мужчины с завышенной самооценкой: — Это Рубен Хёк. Далее — Кристер Бенгтсон, наш старейшина...

— Ну, не такой уж я и старый, — пробурчал Кристер.

Винсент про себя улыбнулся. Очевидно, для Кристера стакан был наполовину пуст.

Винсент не знал точно, какие разочарования формируют жизненные воззрения престарелого полицейского, но подозревал нечто вроде самоисполняющегося про-

рочества. И нет кольца на пальце, то есть живет, скорее всего, один. Полнота и затрудненное дыхание указывали на нездоровую пищу и малоподвижный образ жизни. Другими словами, домашнего любимца, которого нужно выгуливать, тоже нет. Типографская краска на кончиках пальцев — значит, все еще читает бумажные газеты. Винсент был готов поспорить на любую сумму, что у Кристера дома хранится непригодный к использованию бакелитовый телефон с диском.

— Кто-нибудь, разбудите Педера.

Винсент не услышал в голосе Мины ни раздражения, ни недовольства. Похоже, Педер был всеобщим любимцем, а значит, с известной долей вероятности, симпатичной личностью. Иначе ему не позволили бы спать во время рабочего совещания, сколько бы детей у него ни было.

— Педер, проснись! — Рубен потряс его за плечо.

— Что? Кто?

— Вот. — Мина поставила перед Педером банку энергетического напитка и встретила его благодарный взгляд. — Это и есть наш Педер Йенсен.

Она не смогла сдержать улыбки.

— Я не датчанин, — на удивление бодро отозвался Педер, словно оправдываясь. — Датчанин — мой папа, а я вырос в Брумме.

Он излучал приветливость и открытость, но прежде всего — усталость.

— У Педера и его жены три месяца назад родилась тройня, — пояснила Мина.

Тройня? Винсент присвистнул. Неудивительно, что парень спал на работе.

— Ну и, наконец, я, — сказала женщина, сидевшая во главе стола, — Юлия Хаммарстен. Я руковожу расследованиями в этой разношерстной группе. Не только руковожу, но и принимаю в них непосредственное участие. Как и все остальные — вне зависимости от ранга. С этим у нас проще, чем где бы то ни было.

Юлия сделала жест в сторону коллег:

— Все мы вышли из разных полицейских подразделений. Эта группа — эксперимент в прямом смысле. Она создана по инициативе моего отца, начальника Стокгольмской полиции, о котором Мина, наверное, уже успела вам рассказать. Цель — сделать более гибкой связь между отдельными полицейскими структурами. Поэтому от нашей эффективности многое зависит. Можем запросто исчезнуть, если не оправдаем надежд. Нас просто прикроют.

Голос Юлии дрогнул, и она опустила глаза.

Хорошо контролируемый язык тела свидетельствовал о непроницаемой стене вокруг всего, связанного с личной жизнью. Плюс окружающая Юлию аура безнадежности. Ее как будто тяготило что-то, что постоянно занимало ее мысли. Винсент был почти уверен, что к эксперименту с группой это не имеет никакого отношения. Большинство людей даже если и следят за выражением своего лица, забывают о его верхней части. Поэтому скрытые эмоции, чувства легко вычитать, взглянув на лоб, брови или даже веки. Но Юлия контролировала все лицо, что сильно затрудняло аналитическую работу. Кроме мелькнувшей у Винсента слабой догадки о пережитом болезненном расставании с кем-то, кто был ей близок.

Винсент заметил, что тишина стала напряженной, как будто все ждали его слова, и прокашлялся.

— Я догадывался об этом, когда шел сюда, — ответил он на последние слова Юлии, — и надеюсь, что мои специфические знания и навыки могут пригодиться в вашей работе. Поначалу я очень в этом сомневался, но потом нам с Миной удалось прийти кое к каким... выводам.

Тут Винсент и Мина переглянулись, и она кивнула.

— Предлагаю сделать небольшую разминку, — сказала Юлия, — а потом продолжим. Всем нам нужно взбодриться. Педер, глотни «Ред Булла».

Суставы Кристера затрещали, когда он поднимался со стула. Рубен в коридоре боксировал с невидимым противником, что со стороны смотрелось забавно. Педер припал к специально купленной для него банке энергетического

напитка. Полевая теория Курта Левина торжествовала. Винсент снова почувствовал внутреннюю напряженность, связанную с желанием привлечь внимание Мины. По правде говоря, он очень хотел ей понравиться.

Разминка закончилась, и все вернулись на свои места. Рубен нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Судя по всему, он не был в восторге от этой идеи Юлии. Внешний консультант, да еще с непонятной профессией... Смешно. Сейчас этот менталист стоял у доски рядом с Миной и пытался что-то изобразить. Делал вид, что он — один из них.

Руководство право. Этот эксперимент пора сворачивать, раз уж дело дошло до фокусов. Вот что значит работать с женщинами. Кто будет следующим — какой-нибудь медиум? Или, может, цыганка с колодой Таро подскажет им, кто убийца? Смешно.

— Я видел вас по телевизору, — обратился Педер к Винсенту. — То, что вы делаете, впечатляет.

— Я тоже узнал вас, — подхватил Кристер более мрачным тоном. — Прощу прощения, но разве вы не фокусник? И разве у нас нет штатного психолога-криминалиста?

— Я менталист, — поправил Винсент. — А что касается психолога, я что-то слышал о случае с греком средних лет...

Тут Юлия откашлялась, а Педер засмеялся:

— Да, что и говорить, Ян дал маху.

— Хочу подчеркнуть еще раз, что я не маг и не фокусник, хотя по-своему тоже иллюзионист, — повторил Винсент. — Я занимался этим в молодости и имею кое-какой опыт, но... манипуляции с игральными картами — вот, пожалуй, и все, на что я способен сегодня из области фокусов. Теперь меня больше интересуют психологические процессы, определяющие поведение людей.

— Винсент не просто знает механизмы поведения людей, — подхватила Мина. — Он замечает закономерности, шаблоны.

Она сложила руки на груди, всем своим видом выражая готовность в любой момент ринуться в бой. Рубен

выглядел особенно раздраженным. Мина провоцировала его всеми возможными способами. Во-первых, она в отличие от других женщин в упор не замечала его мужского шарма, что самому Рубену казалось верхом легкомыслия. Никогда прежде он не сталкивался ни с чем подобным. Рубен нравился всем женщинам, вне зависимости от возраста, культурной принадлежности, внешности, жизненного опыта и политических убеждений. И только одна Мина оставалась к нему равнодушна. Не то чтобы она имела что-то против Рубена, просто для нее он ничем не отличался от остальных. Что в понимании Рубена было гораздо хуже.

Поначалу он пытался ее соблазнить всеми мыслимыми способами. Но ни одна уловка из его богатого арсенала не сработала. Нравилась ли ему Мина? Строго говоря, она вообще была не в его вкусе. Скорее, Рубена раздражало, что Мина указывала на границы его возможностей. Страсть охотника — вот что им двигало. Или рыбака. Секс как таковой был менее интересен. Пока дело доходило до него, Рубен нередко уставал и переключался на другую женщину. При возможности выбора предпочитал пышных блондинок. Но, соблазнив жертву, Рубен всегда доводил дело до логического конца. Это был вопрос чести. Он никогда не понимал тех, кто ловит рыбу только затем, чтобы потом снова отпустить ее в море. Это противоречит самой природе рыбалки.

Так или иначе, Мина оставалась к нему холодна.

Но сегодня она умудрилась разозлить Рубена еще больше. Сейчас Мина стояла у доски, что-то писала и крепила магнитами какие-то снимки. В темно-синих джинсах, красном пуловере, из-под которого выглядывал кусочек белого бюстгальтера, с волосами, убранными в «хвост» и зачесанными так гладко, что ни одна волосинка не торчала и не выбивалась. На чистом лице, как всегда, ни грамма косметики. Идеальность образа нарушали только красные, потрескавшиеся руки, которые Мина слишком часто протирала алкогелем. Пузырек всегда стоял у нее на столе.

Рубен задался вопросом, что скрывается под этой аккуратной оболочкой. Он был мастер угадывать марку белья по внешнему виду женщины. Так что там? Дорогуший комплект жемчужного цвета от «Ла Перла»? Или красный, с кружевами от «Викториас секрет» — по цене, можно сказать, эконом-класса, но уж точно не в ущерб сексуальности. А может, там черные стринги или что-то из тех штучек с отверстием в деликатном месте, какие продаются онлайн на порнографических сайтах?

Рубен вздохнул. Вне сомнений, Мина носила обыкновенные хлопковые трусы.

— Уже когда я вводила Винсента в курс дела, он успел разглядеть кое-какие детали, которые мы упустили.

Мина замолчала и повернулась к Винсенту, который сделал шаг вперед по направлению к публике.

— Это касается фотографий, — пояснил он. — Я только сказал, что порезы на теле жертвы могут значить больше, чем кажется. Думаю, преступник начертал таким образом римскую цифру «три».

— Цифру? — удивился Кристер.

Рубен громко фыркнул, и Мина повернулась к нему:

— Что скажешь, Рубен?

Ледяной тон и изогнутая дугой бровь. Чертова зазнайка! Рубен притворился, что не понял ее.

— О чем? — переспросил он.

Вышло, пожалуй, даже слишком агрессивно. Юлия посмотрела на него с укором. Педер заинтересованно перегнулся через стол, а Кристер пробормотал что-то невнятное, почесывая в седеющих волосах.

— Винсент увидел в порезах на теле жертвы римскую «три». Каково твое профессиональное мнение на этот счет?

Рубен всплеснул руками — вот чушь так чушь! — и шумно вздохнул.

— Слишком надуманно, — ответил он. — Когда вы слышите за окном стук копыт, то представляете себе лошадь, а не зебру. Преступник вошел во вкус и нарезал лишне-

го — сколько раз мы с этим уже сталкивались? Не понимаю, почему в данном случае нужно искать какие-то другие объяснения.

Винсент подался вперед и соединил руки кончиками пальцев. Рубен не мог взять в толк, откуда такая самоуверенность. Его тело буквально чесалось от раздражения. Неужели Мина на это поведется? Женщины... он никогда их не понимал.

— В том все и дело, что здесь прослеживается точное следование сценарию, — объяснила она. — С самого начала. Некто хорошо потрудился, сделав копию ящика, какие используют иллюзионисты, и повторил классический трюк — во всех деталях, исключая благополучную концовку. Мы говорим о потраченном времени. О тщательном планировании действий. Наконец, о выдержке, терпении. Разве это похоже на «вошел во вкус и нарезал лишнего»?

Рубен пожал плечами:

— Ну... может, не совсем...

— Непохоже, чтобы это получилось у него случайно, — подтвердила Юлия и подошла к доске.

«Ла Перла», белый комплект», — мелькнуло в голове у Рубена. И на этот раз он не угадывал. Рубен видел нижнее белье Юлии после рождественской вечеринки в полицейском отделении пять лет тому назад. Тогда она набралась в стельку и совокупилась с ним, как животное в своей берлоге. Все произошло задолго до того, как она познакомилась с этой ходячей вешалкой, со своим Торкелем, который, поди, и не знает ничего, кроме миссионерской позы. В те дни у Юлии были месячные, поэтому наутро постель напоминала поле битвы. Сама она успела улизнуть к тому времени, как Рубен проснулся. Да... такие вот вещи случаются с полицейскими на праздники. И то, что Юлия стала его шефом, несколько смущало Рубена.

Правда, никто из них с тех пор и словом ни помянул тот случай. Да и Торкель не представлял собой никакой угрозы. Рубен не был влюблен в Юлию, и все-таки... ему

почему-то было приятно осознавать, что ее муж тоже был на том празднике.

Мина отступила в сторону, давая Юлии место у доски. Юлия задела ее локтем, и Рубен заметил, как исказилось лицо Мины, словно по ее телу пробежал электрический разряд.

— Линии порезов строго симметричны, — заметила Юлия. — Совершенно очевидно, что это не случайность. Но совсем не обязательно видеть в этом цифру. Мы ведь не знаем контекста.

Юлия повернулась к Педеру и Кристеру. Педер устало кивнул.

— А что известно о месте, где ее нашли? — спросила Юлия.

Тишина. Рубен бросил ручку, так что та упала прямо перед Педером, и тот вздрогнул.

— Что такое? — Он заспанно оглядел коллег.

— Место, где нашли тело, — повторила для него Мина. — Что мы знаем о нем, что говорят криминалисты?

Педер встряхнулся, как мокрая собака, и потянулся к папке, которая лежала перед ним на столе.

— Ее нашли неподалеку от входа в парк «Грёна Лунд»¹, но это не похоже на место преступления. Слишком мало крови. Ее убили где-то в другом месте и уже потом перевезли туда ящик.

— Свидетели есть? — спросил Винсент.

— Там почти нет жилых домов, но мы поговорили с сотрудниками музея «АББА» и ближайшего ресторана. Никто ничего не видел.

— А что нам известно о жертве?

Кристер мрачно покачал головой, что само по себе ничего не значило: к любому делу он всегда приступал с мрачным видом.

— Ничего. Мы проверили всех подходящих по возрасту женщин, которые на сегодняшний день объявлены пропав-

¹ «Грёна Лунд» — парк развлечений в Стокгольме.

шими без вести. Ни единого совпадения. Есть опасность, что о ее пропаже вообще никто не заявит, и в этом случае у нас вряд ли получится ее идентифицировать. Блондинка тридцати с небольшим — что это за приметы?

— Будем искать тем не менее, — вздохнула Юлия с безнадежной иронией. — Не сдаваться же сразу только потому, что у нее нет характерной родинки на подбородке.

Кристер вздрогнул, но покорно пожал плечами, и Юлия повернулась к группе. Она сделала движение в сторону Мины, и Рубен заметил, как та попятилась, словно из опасения столкнуться с Юлией еще раз. Он задался вопросом, как Мина занимается сексом. Или проблема решается без постороннего вмешательства, при помощи какой-нибудь стерильной бактерицидной штуки? А может, заставляет парня предварительно вымыться в каустической соде? Надеть такой хрустящий комбинезон, в каких ходят медики, но с маленькой дырочкой спереди... Рубен громко фыркнул — и осекся под строгим взглядом Юлии.

Он выпрямился на столе, но в воображении продолжал видеть Мину в объятиях любовника в пластиковом комбинезоне. По какой-то непонятной причине у парня было лицо Винсента.

— Кристер, ты будешь заниматься установлением личности жертвы. Педер с лупой пройдет по бумагам криминалистов. Тебе не нужно объяснять, что нам важна малейшая деталь. — Юлия повернулась к Винсенту: — Педер — виртуоз работы с бумагами. В считанные часы просматривает списки, которые у любого другого из нас отняли бы недели времени. И ничего при этом не пропускает.

Педер слегка покраснел, но, похоже, остался доволен комплиментом.

— Рубен... — начала Юлия, но тот перебил ее:

— Я возьму на себя ящик.

— Именно. Нас интересует информация о материалах, производителях, конструкции — все, что может дать нам

хоть какую-нибудь подсказку о том, кто мог его купить или сделать. Насчет мечей тоже выясни... и прекрати на меня пялиться.

Рубен поднял глаза к потолку и лукаво улыбнулся. «Ла Перла»...

— Поговоришь с судмедэкспертами, Мина, — продолжила Юлия. — Что они думают насчет порезов и всего остального. Я уже обсуждала с экспертом трещины на ее часах. Ну а вы, Винсент, попытаетесь дать нам профиль преступника.

— «Попытаетесь» — правильное слово, — заметил Винсент. — Я, как уже говорил, не имею специального образования. Только некоторый опыт, совершенно из другой сферы, который иногда позволяет мне делать верные наблюдения.

— В любом случае мы будем признательны, если вы дадите нам хоть какую-нибудь зацепку.

Итак, она всерьез решила взять менталиста в работу. Допустить к секретным полицейским базам, что уже слишком. Чаша терпения Рубена переполнилась.

— Ну всё, хватит, — сказал он. — Парень — шоумен, его работа — развлекать публику. А мы полицейские. Неужели будем его слушать?

Все притихли и разом повернулись к Рубену. Нависшую тишину можно было резать ножом.

— У нас остается совсем немного времени, прежде чем об этом узнает пресса, — сдерживая возмущение, проговорила Юлия. — И мы должны испробовать все возможные способы...

Рубен снова всплеснул руками. «Сдаюсь, — вот что это могло означать на этот раз. — Так оно бывает, когда всем управляет женщина».

— В таком случае, — объявил он, вставая, — я отправляюсь в лабораторию судмедэкспертизы. Вот только заскочу в магазин магического инвентаря за хрустальным шаром.

После того как мужчины покинули комнату, Мина и Юлия встали у доски с фотографиями. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы Мина почувствовала себя грязной. Алкоголь для рук она забыла на столе.

— И что будет дальше, как ты думаешь? — спросила Юлия.

— Не знаю, — ответила Мина, не отрывая взгляда от фотографий. — Встретили его, во всяком случае, без оаций.

Она потеряла предплечье, чтобы удалить омертвевшую кожу, которая, конечно, там уже была, учитывая время суток.

— Но ты и вправду думаешь, что он сможет составить профиль? Похоже, он сам не слишком в этом уверен.

Мина пожала плечами:

— Я думаю, что этот человек видит вещи, которые до сих пор проходили мимо нашего внимания. И потом, разве у нас есть выбор? Если, конечно, мы не хотим снова гоняться за греками средних лет. Что касается меня, я дала бы ему шанс. Я хочу работать с Винсентом. Нам нужна соломинка, за которую можно было бы уцепиться, и он вполне подходит на эту роль.

— В таком случае ты должна быть уверена в нем на сто процентов. Сама видишь, сколько среди нас скептиков, которых придется переубедить. Я, конечно, не о Педере. Но Рубен и Кристер, похоже, не едут в этом поезде с нами. Рубена и вовсе нет на платформе.

Юлия ушла, оставив ее в одиночестве. Мина вздохнула. Совещание вылилось в катастрофу — трудно было увидеть в этом нечто иное. Даже если Винсенту и доверили составить профиль преступника, коллеги вряд ли станут его слушать. Но Мина не была настроена так просто от него отступить. Во время совещания Винсент вел себя слишком сдержанно и никому ничего не пытался доказать. Но ведь до того он сам говорил ей о групповой динамике и о том, что прежде всего ставит перед собой

задачу найти в ней свое место. Жаль, что из этого мало что получилось...

Это Рубен все испортил. Можно ли так предвзято судить о человеке? Уже после встречи в «Ривале» Мина решила, что будет работать с менталистом, но, похоже, ее решения не имели силы в стенах консервативного полицейского заведения.

Снимки на доске. Взгляд сам собой переходил от одного к другому. Пронзенное мечами окровавленное тело внутри ящика. Белые трусы, майка. Мина не хотела этого видеть. Один из мечей пронзил голову женщины со стороны затылка и вышел через глаз. Классический трюк, только в исполнении безумца.

Квибилле, 1982 год

Яне потерлась туфлей о камень, соскребая глину. Как же она это ненавидит!.. Идея переехать в деревню принадлежала не ей, так почему Яне должна страдать?

— Иди сюда, Яне! — позвал младший брат. — Мы не начнем резать торт без тебя.

Мама уже сидела на лужайке. Как всегда, в платье, которое сшила сама.

А ведь когда-то она их покупала. Сегодня мама, по крайней мере, выбрала одно из самых красивых, с леопардом. Уму непостижимо, где она только умудрилась раздобыть такую ткань. Мама проявляла невероятные способности, когда дело касалось тканей. Шикарное платье, пусть даже домашнего пошива. Если б еще не босые ноги... На голове венок по случаю дня рождения. Яне вздохнула, стараясь игнорировать замечания брата.

Ей скоро шестнадцать, и половина жизни прошла в этой глуши. Они с мамой прибыли сюда первыми. Летом 1974 года мама уволилась с работы, и Яне пришлось оставить своих стокгольмских подруг только потому, что ее хипповая мама нашла себе компанию на хуторе непо-

далеку от Квибилле — небольшом халландском¹ поселке, о котором знать никто не знал бы, если б не большая сырная фабрика.

С сыра начинались достопримечательности Квибилле, им же они и заканчивались.

Но Яне жила даже не в самом Квибилле, а в его окрестностях, где не могла ни надеть, ни обувь ничего приличного, потому что повсюду была глина. Она взглянула на туфли — белые подошвы уже не спасти. Как же она все-таки все это ненавидит...

Яне вошла в дом, сняла туфли и, вздохнув, сунула ноги в большие резиновые сапоги. Если мама решила здесь остаться, это ее дело, а у Яне своя жизнь. Она спустилась на лужайку, к маме и брату. И задала свой обычный вопрос:

— Когда мы переедем, мама?

— И тебе доброе утро, детка! — Мама помахала рукой.

— Но ведь у Эрика получилось, — пробормотала Яне. — А мы чем хуже?

Эрик был один из маминых знакомых. Вот уж кто действительно появился ниоткуда... Но Эрик выдержал только полгода. Когда мама забеременела, жизнь на природе сразу ему опротивела. Он сбежал. Ходили слухи, что Эрик вообще не увольнялся из банка в Стокгольме, а просто взял отпуск на несколько месяцев. Другие говорили, что он работает дистрибьютором в какой-то фирме по продаже спортивных товаров. Мама с Яне не знали, чему верить. Мама не имела ни малейшего представления даже о его местонахождении.

— Ты же понимаешь, — сказала она, — как нелегко найти работу в деревне. Но здесь, по крайней мере, все дешево. И потом, старушка, ты прожила здесь почти столько же, сколько в городе. Ты просто все забыла и в своих фантазиях превратила город в сказку. Поверь мне, это не так. Здесь нам лучше, гораздо лучше, клянусь тебе. Но не

¹ Халланд — провинция в Швеции.

будем больше об этом. Сейчас мы приступим к торт, но сначала — сеанс белой магии.

Мама выглядела усталой, такой уж выдался день. Продолжать спор, портить ей настроение — не самая удачная идея.

— Это мой подарок ко дню твоего рождения, — объявил младший брат и начал представление.

На нем был плащ, который Яне сшила к его прошлому дню рождения и который теперь становился ему мал.

— Я тоже приготовила подарок, — сказала Яне и протянула маме маленький пакет. — Но для начала ты должна прочитать открытку.

В пакете был лист бумаги, весь исчерканный непонятными линиями и буквами. Мама повертела его в руке.

— Но как же я... — озадаченно пробормотала она.

Яне вздохнула. Как же ее бесило, когда люди отказывались даже попытаться...

— Это что-то вроде оригами, — подсказала она.

Мама посмотрела на нее с непониманием.

— О боже, значит, бумажный самолетик или... Ты хочешь, чтобы я его собрала? — Она рассмеялась. — Здорово придумано!

Мама старалась так, что даже высунула кончик языка. Она сгибала лист по линиям, но ничего не получалось. Яне напоролась бедром на сук под одеялом. Вот уже несколько минут она безуспешно пыталась нащупать более-менее удобное положение. Похоже, ей никогда не свыкнуться с этим хутором.

— Готово, — сказала мама. — Хотя... похоже, я все-таки слегка намудрила.

Она держала в руках скомканный лист бумаги с большой буквой «Ф» сверху. Все, включая маму, дружно расхохотались.

— Только так и могла сделать эта кошка, — заметил брат, имея в виду леопарда на мамином платье, чем еще больше рассмешил Яне.

— Ты же сама сказала «бумажный самолетик»... Пунктирными линиями вовнутрь, сплошными наружу, — объяснил брат.

Мама опять развернула бумажку и сложила заново, уже по его инструкции. В результате получился правильный шестиугольник с четко различимой надписью.

— «Наилучшие пожелания ко дню рождения, — прочитала мама. — Последнему в Квибилле».

— Так хочется на это надеяться, — подтвердила Яне, и мама закатила глаза.

— О'кей, сестренка, — сказал брат. — Теперь моя очередь.

Он вытащил откуда-то карточную колоду и с серьезным видом, как будто она была живым существом, помаhal ею в воздухе.

— Запомните этот день, восьмое июля, три часа пополудни, — объявил он полным драматизма голосом. — Потому что вы будете рассказывать о нем своим внукам.

— Ты хоть знаешь, откуда берутся внуки? — спросила Яне, загадочно улыбаясь.

— Возьми карту, — вместо ответа велел ей брат. — Запомни, снова вложи в колоду и перемешай. Только не говори нам, что это.

Он всегда выглядел счастливым, и эта его потрясающая способность казалась Яне вопиющей несправедливостью. Иногда это походило на одержимость. Но брат прожил на хуторе всю свою семилетнюю жизнь и просто не знал ничего другого. Выдумывал фокусы да столярничал в сарае — с чего тут быть недовольным?

Тем более что фокусы у него получались хорошо. И в том, что Яне почти всегда догадывалась, как он это делает, не было его вины. Яне с детства отличалась наблюдательностью. Ей всегда хорошо удавалось уловить в чьих-либо действиях логическую связь. Когда фокус заканчивался, она просто отматывала увиденное от конца к началу, как кинолентку. И при этом, конечно, не забывала изображать удивление.

Она взяла колоду, перемешала, посмотрела на карту и сунула ее обратно. Восьмерка треф. Сама не зная зачем, Яне отметила про себя, что теперь карта оказалась в колоде одиннадцатой или двенадцатой по счету.

— То есть я должна ее запомнить? — раздраженно переспросила она.

Ответом ей был мрачный взгляд. Младший брат придал фокусам очень серьезное значение.

— Теперь ты, мама. — Он протянул колоду маме. — Перемешай и вытащи любую карту.

Мама сосредоточенно перемешала колоду и вытащила одну карту.

— Ты ведь выбрала первую попавшуюся? — спросил брат и посмотрел на маму так, будто хотел просканировать ее насквозь.

— Да. — Та уверенно кивнула и изогнула одну бровь, стараясь выглядеть серьезной. А Яне была готова лопнуть от смеха.

— Ну, что же... — Брат повернулся к Яне: — Не соблаговолит ли фрёкен открыть нам, какую карту она вытащила?

— За фрёкен ты еще получишь, — пробормотала Яне и громко вздохнула. — Я вытащила восьмерку треф.

— А что держит в руке достопочтенная фру?

Он повернулся к маме, и та показала карту.

Восьмерка треф.

— Черт... — Яне рассмеялась.

— Яне! — строго оборвала ее мама.

Похоже, на этот раз братец ее надул. Это было необычно, но Яне на него не обижалась. Она, может, и смогла бы понять, в чем тут дело, но не чувствовала ни малейшего желания напрягать мозги. Только не сегодня. Брат поклонился, и они с мамой бешено заплодировали. Каждый раз все заканчивалось именно так.

Все как и должно быть, но Яне чувствовала, что больше не выдержит. Что это лето должно все изменить. Она

еще расскажет маме, что не останется здесь ни дня, когда закончатся каникулы. Что ее жизнь станет другой. И мама, конечно же, обо всем скоро узнает. Совсем скоро.

* * *

Винсент наклонился и еще раз пригляделся к шнурку на левом ботинке. Раньше он не был таким беспечным, но сегодня собраться с мыслями никак не получалось. Винсент снял с вешалки куртку.

— Думаешь, мне и в самом деле стоит сходить туда одной? — спросила из кухни Мария.

Она сидела за столом над книгой по методике социологических исследований.

Как ни зубрила Мария социологию, никак не могла перейти на ты с этой наукой. Только хваталась за голову — «надо же, я думала, это про людей...» Но на этот раз ее, похоже, заботило что-то другое. Винсент почувствовал, как в желудке растет холодный ком.

— Ты же знал, что через месяц папе семьдесят. Для «мастера-менталиста» ты на удивление невнимателен. Сейчас же позвони Умберто и отмени шоу. До этого еще целый месяц, так что проблем, думаю, не возникнет.

Винсент повернулся и посмотрел на жену. Мария сжимала в руках чайную чашку — так, что побелели костяшки. Еще немного — и он успел бы выйти за дверь. Винсенту не хотелось снимать левый ботинок. Он совсем не был уверен, что у него получится завязать этот шнурок идеально. Он остановил взгляд на надписи на керамической чашке жены. «Блестящая киска»... Что-то у Марии сегодня с блеском не очень. Сидит, будто завернутая в грозное облако. И гром скоро грянет.

— Ты же знаешь, что даты — это не по моей части, — начал он в надежде, что сегодня тот редкий день, когда Мария сможет удовлетвориться относительно простым объяснением, и в этом случае гроза пройдет мимо.

Но Мария сжала чашку так, что та едва не треснула.

— То есть ты хочешь сказать... — фраза оборвалась на полуслове, и голос Марии на некоторое время провалился в ледяное молчание, — ты хочешь сказать, что если б еще осенью, когда планировались эти гастроли, попросил своего агента не ставить шоу на этот день, он бы тебе отказал?

Винсент почувствовал на спине струйку пота.

В конце концов, это смешно. Он виртуозно владел риторическими приемами и мог аргументировать что угодно, поэтому давно утратил всякий интерес к словесным баталиям. И только Марии, с ее примитивной аналитикой, уже не в первый раз удавалось положить его на лопатки. Ни один из его трюков не срабатывал против ее неумолимой логики. С Ульрикой дело обстояло похожим образом.

Возможно, это было семейное. Кроме того, Мария права, и то, что Винсент ничего не мог сделать в уже сложившейся ситуации, совсем не означало, что ничего нельзя было сделать раньше.

— Скажешь хоть слово?

В грозовой туче что-то блеснуло, и Винсент понял, что пауза слишком затянулась.

— Похоже, я совсем забыл об этом, — сказал он. — Но получилось то, что получилось...

Это прозвучало, пожалуй, до неприличия беззаботно. Винсент вздохнул, наклонился, развязал почти идеальные «бантики» на шнурках и снял ботинки.

— То есть как это? — вспыхнула жена. — Получилось то, что получилось? Не понимаю, как ты можешь быть таким бесчувственным.

Ее голос сорвался на фальцет, и Винсент уже предчувствовал следующий шаг — слезы. Это было хуже, чем молния. Перед слезами Марии Винсент был безоружен. Он прошел на кухню и опустился на стул напротив нее.

Узоры на столешнице напоминали следы. Винсент провел по изящному завитку указательным пальцем. Он думал накрыть руку жены своей, с кольцом на безымянном пальце, но Мария вздрогнула от одного его прикоснове-

ния и положила руки на колени. Винсент избегал встречаться с ней взглядом, зная, что увидит полные слез глаза, дрожащую нижнюю губу...

— Я не хотел быть бесчувственным, — ответил он, глядя в стол. — Но какой бы глупостью ни выглядела теперь моя забывчивость — и я признаю, что это была самая настоящая глупость, — теперь ничего не изменишь. Разумеется, я должен был отметить день семидесятилетия Лейфа в своем ежедневнике, но я этого не сделал. Однако теперь, к сожалению, нам придется исходить из того, что мы имеем.

Мария хлопнула носом, отпила из чашки зеленого чая и поморщилась. Винсент никогда не понимал, зачем она литрами пьет эту гадость — каждый день, хотя ей это совсем не нравится. Но зеленый чай полезен, а здоровье — ее пунктик. Одно время Мария пыталась привить эту привычку ему и детям, но семья подняла бунт, поэтому эксперимент пришлось свернуть спустя два дня.

Винсент поднялся, подошел к кухонному шкафу и достал свою чашку — такую же, как у жены, только с другой надписью: «Боевой петушок». Он покачал головой. Ему нравилась упругая звукопись этой фразы, но буквы словно прыгали, отскакивая от невидимой горизонтальной черты. Неужели так трудно было выровнять их по линейке?

Содержание надписей тоже вызывало вопросы. Дети не особенно оценили эту шутку Марии, но все возражения наталкивались на железобетонные сентенции, что в сексуальном просторечье как таковом нет ничего плохого и нужно привыкать к этому.

Ее слова звучали как горькая ирония, особенно с учетом того, как неуютно чувствовала себя Мария в супружеской постели. К примеру, она могла заниматься сексом только с погашенной лампой и наглухо задернутыми гардинами. Так было не всегда, поэтому Винсент подозревал, что Марии неприятен секс именно с ним. И все-таки не верил, что она когда-нибудь решится произнести вслух то, что написано на ее чашке, если ей зададут такой вопрос.

Разумеется, все связанное с открытостью носило сугубо принципиальный характер. Винсент и не требовал от жены, чтобы она жила согласно своим воззрениям. Но она-то верила, что живет именно так, вот что его раздражало. Винсент еще помнил другие времена и другую Марию — потную и взъерошенную, извивающуюся под ним на этом самом столе, по которому он только что водил пальцем.

Винсенту вспомнилась Мина. Интересно, удалось ли полиции обнаружить отпечатки пальцев на ящике? Возможно, что и нет... Надо будет спросить ее при следующей встрече.

— Ну и что нам теперь делать? — услышал он голос Марии. — С папиным днем рождения, я имею в виду.

Винсент встал, налил себе кофе и снова сел, мельком глянув на ее лицо. Он надеялся, что всплеск адреналина в крови Марии уляжется, прежде чем они продолжат разговор. Но ее лицо оставалось все таким же пунцовым от гнева, и слезы все так же стояли в глазах.

— Даже не знаю, удастся ли Умберто что-нибудь сделать. Семьсот человек уже купили билеты на шоу. Я не могу подставлять их. Ты сама должна решить, как быть с юбилеем твоего папы. Пойдешь или нет — это твое дело.

Винсент глотнул кофе — страшно горячий.

— Как же я могу не идти? — удивилась Мария. — Что ты вообще обо мне думаешь? Как я могу пропустить семидесятилетие родного отца?

Ее голос сорвался. Винсент не знал, что на это ответить. Они должны были прийти к этому. Сама логика развития ситуации не допускала иных вариантов. Винсент не сможет пойти на юбилей ее отца. Мария будет там одна, с детьми... Что ж, развеется немного. Да и Астон любит дедушку. В конце концов, ничего не произойдет, даже если она останется дома.

Винсент почувствовал на себе пристальный взгляд жены.

— Ты же знаешь, во что обычно выливаются большие семейные праздники с моим участием, — добавил он, опережая ее возражения.

Затем согнул и разогнул пальцы ног. Эта тема вечно вызывала покалывания в суставах. Тем более что сам Винсент давно уже все для себя решил; так что ему за дело, если кто-то до сих пор не может сделать того же?

Тем не менее все начиналось по новой на каждом семейном обеде.

— Я не хочу, чтобы они думали, что у нас с тобой проблемы, — тихо сказала Мария.

Так вот в чем дело... Фасад — это для нее святое. Особенно в глазах родственников.

Винсент слишком хорошо помнил, какой беспрецедентный скандал разразился, когда он оставил Ульрику ради ее младшей сестры. Это было то, чего они никак не могли принять. Но со временем все так или иначе устаканилось. Тому миновало десять лет, и у родственников было достаточно времени, чтобы привыкнуть. Крайне нерационально и спустя десять лет придерживаться прежнего мнения на счет вещей, к которым не имеешь непосредственного отношения. Тем не менее Винсенту становилось все труднее поддерживать контакты с родственниками жены, скорее, поэтому он и позволил своему агенту назначить выступление на эту дату. Неловких ситуаций разумнее избегать — по возможности, конечно.

— Представляю, что вообразит Ульрика, — продолжала Мария. — Она давно ждет, когда же у нас с тобой начнутся проблемы. Когда ты бросишь меня ради другой или вернешься к ней. Она прямо так мне и сказала...

Винсент слышал это уже много раз.

— Ну и что? — перебил он жену. — Ульрика будет распоряжаться твоей жизнью настолько, насколько ты ей это позволишь.

— Но над тобой она ведь давно не имеет никакой власти, ты сам не раз об этом говорил.

— Мария, у нас с твоей сестрой общие дети. Тем не менее я живу с тобой, а не с ней.

— У нас с тобой тоже ребенок.

— Это так, хотя иногда я сомневаюсь, осознает ли Астон, что у него есть папа. Думаю, он был бы не прочь жениться на тебе.

Мария улыбнулась одними уголками рта, но быстро вернула лицу прежнее мрачное выражение. «Боевой петушок» — тринадцать букв. Семь согласных и шесть гласных. В 1385 году норвежский король Олоф стал королем Швеции. Олоф, или Улоф — второе имя их с Ульрикой сына Беньямина. Чашка Винсента — «Боевой петушок» — 1385 — король Улоф — Беньямин — Винсент. Круг замкнулся. Винсент понял, что следующая ее реплика будет про Беньямина.

— Кстати, передай своей дочери, чтобы никогда не называла меня тетей. Ульрике очень нравится, когда она это делает.

Слезы в глазах Марии высохли, и теперь она выглядела скорее рассерженной, чем огорченной. Что ж, с этим уже можно было худо-бедно справиться.

— Обещаю поговорить с ней, — ответил Винсент, сунул мобильник в карман и поднялся со стула.

— Кстати, когда ты думаешь рассказать о той женщине из полиции? — вдруг вспомнила Мария.

— О какой женщине?

— Я знаю, что ты был в «Ривале» с какой-то женщиной.

— Да, я сам говорил тебе, что у меня деловая встреча.

— Не перебивай меня! — прошипела она.

Новая тема опять ее распалила.

— Ты меня не слушаешь, Винсент. Где ты, о чем думаешь? Где вы встретитесь с ней в следующий раз и как у вас получилось в последний? Или диваны в «Ривале» недостаточно высокие, чтобы... Я, наверное, должна благодарить тебя за то, что ты до сих пор не привел ее сюда... Пока, во всяком случае...

Винсент закрыл лицо ладонями и попытался успокоиться. Он помнил ее первые приступы ревности, это было нечто по-настоящему ужасное. Но Мария не была такой с самого начала. Ее ревность становилась все ожесточеннее по мере того, как их отношения ухудшались. Винсент приучал себя к этому, но переживал все так же сильно.

Ничего не помогало. Эти обвинения в супружеской измене залегали глубже, чем могли достать рациональные аргументы, и были обращены к чему-то самому сущностному, утробному. Винсент понимал, во всяком случае, что дело здесь не в нем, а в самой Марии. Как, впрочем, и всегда.

— Дорогая, — начал он, внимательно следя за дыханием и пытаясь нормализовать скакнувший адреналин, — мы, конечно, не будем вспоминать двадцатипятилетних юношей с твоего курса. Дело твое, но в последний раз мы с Миной встречались в отделении полиции. Я буду помогать ей... им, группе расследования. Но если ты будешь каждый раз устраивать сцены, я просто не смогу работать. Что я тогда им скажу, как ты думаешь?

Мария посмотрела на мужа и шмыгнула носом.

— Я хочу телефон этой группы.

— О боже... Да, конечно... телефон... Но я сейчас спешу. И мне жаль, что я не смогу быть на празднике в честь твоего отца. Я обязательно это как-нибудь компенсирую, даже если пока не знаю как.

Винсент поднялся и неуверенно погладил жену по щеке. На этот раз она его отпустила. Он вышел в прихожую, обулся и завязал шнурки на ботинках. Не так удачно в сравнении с прошлым разом, но сгодится. На покрытой снегом лужайке перед домом нагнулся и перевязал еще раз. Должен же хоть в чем-то быть порядок.

* * *

Мина ехала в такси в отделение судмедэкспертизы в Сольне, но не из здания полиции. Никто на работе не подзревал, что раз в неделю — или когда в том возникает

необходимость — Мина ездит в клуб «АА», анонимных алкоголиков. Коллеги здесь ни при чем, тем более что Мина не алкоголик. Просто в ее жизни случился тяжелый период. Однажды она совершила ошибку, за которую до сих пор расплачивается. И это только ее дело.

Клуб располагался на Кунгсхольмене, в каких-нибудь пятистах метрах от здания полиции. Именно поэтому Мина и решила заглянуть в «АА», вместо того чтобы... ехать в другое место, располагавшееся так же близко и выполнявшее в жизни Мины примерно ту же функцию. Если бы Мина встретила кого-нибудь из коллег, сказала бы, что возвращается домой с работы.

Выйдя из машины на холод, она поплотней завернулась в пальто. Коллегам совсем не обязательно знать о Мине все. Ей всегда было трудно понять людей, которые доверяют друг другу свои тайны только потому, что работают вместе. Таким Мина быстро дала понять, что ее бессмысленно расспрашивать на любые темы, не имеющие отношения к работе.

Она вошла в здание судмедэкспертизы, надела защитный комбинезон и маску, остановилась перед прозекторской и осторожно постучала.

Мильда Юрт даже не оглянулась в ее сторону. Мина приблизилась и встала рядом с ней, глядя, как замороженная, на ящик на блестящем стерильном столе рядом с телом.

Сам ящик не был особенно стерильным. Кровь, волосы, мозг и другие вещества человеческого организма выделялись пятнами на светлой древесине. Сейчас им занимался мужчина чуть за пятьдесят, предположительно криминалист. Он что-то измерял, присматривался, делал записи, в то время как Мильда исследовала труп. Ящик тоже привезли в отделение судмедэкспертизы, потому что иначе из него пришлось бы извлекать тело, что трудно было сделать, не уничтожив при этом улики.

— Я прослежу, чтобы ее доставили в Линчёпинг, — сказала Мина.

— Спасибо, — ответила Мильда, не отрывая глаз от трупа.

Криминалист вышел, и в комнате остались Мильда с Миной и ассистент Локе — заторможенный молодой человек, с которым Мина за все время своих посещений прозекторской не перекинулась ни единым словом.

— Все-таки это ужас, — тихо воскликнула Мильда. — Не так просто оказалось извлечь ее из ящика. Тело так и застыло в сидячем положении. Вы все еще не знаете, кто она?

— Пока нет, но мы работаем. В крайнем случае разместим объявления в газетах. В самом крайнем, я имею в виду...

— Понимаю.

Мильда оглянулась на ящик. Мина обошла его, внимательно осматривая со всех сторон.

— Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? — спросила она.

— Я много чего видела, — ответила Мильда, — но это что-то новенькое, должна признаться. Твой коллега Рубен уже был здесь.

— И что говорят криминалисты?

— Что они могут сказать? Ящик в форме куба изготовлен из фанеры, с использованием клея и гвоздей. Некоторые особенности конструкции указывают на то, что изначально он был задуман несколько иначе. Мне это ни о чем не говорит. Небольшие прорезы в стенках соответствуют ширине и толщине мечей, то есть орудиям убийства.

Мильда кивнула на другой стол, с мечами в прозрачных пластиковых футлярах. Мина долго и внимательно их разглядывала. Все мечи выглядели одинаково — металлические, с длинными клинками, на которых сохранились следы крови, и рукоятками с защитными насадками, предотвращающими скольжение руки по лезвию.

Мина сфотографировала их на мобильник. Потом подошла к ящику и сделала несколько снимков с разных ракурсов.

— Думаю, нужна большая физическая сила, чтобы пронзить ими тело, — сказала она.

Мильда кивнула:

— Мечи, конечно, очень острые. Тем не менее, чтобы пронзить ими тело и попасть в отверстия на противоположной стенке... да, думаю, здесь нужны сила и точность.

— И больше никаких странностей ты не видишь? Ну, такого, чтобы бросалось в глаза, я имею в виду.

— Мое дело — трупы, — ответила Мильда. — Насчет ящика расспросишь криминалистов, после того как его обследуют в Линчэпинге. Или присмотришься сама, может, что и увидишь. Думаю, он еще постоит здесь, пока его не заберут.

Мина кивнула и оглядела комнату. Стерильность ощущалась до мурашек на коже. Минимум необходимой мебели и никаких завалов. Запах дезинфицирующих средств щекотал ноздри. Мина хотела бы жить в такой комнате. Вечное напряжение снялось само собой, по телу разлилось расслабляющее тепло. Неужели именно это ощущают люди, когда так легкомысленно гуляют по грязным улицам?

Мина открыла в телефоне только что сделанные снимки. Уж лучше так, чем вглядываться в пластиковую оболочку. Любую деталь можно увеличить.

— А что это за знаки? — спросила она.

— Знаки? — удивилась Мильда.

— Ну, или как это назвать... Вот, посмотри на рукоятках мечей...

Мильда подошла к столу с мечами и склонилась над пластиковыми футлярами. Тела на другом столе Мина предпочла бы не видеть, но краем глаза следила за тем, что с ними делал ассистент Локе.

— Похоже, ты права, — согласилась Мильда. — На рукоятке действительно какой-то знак. Но я не имею ни малейшего понятия о том, что это может быть.

— И никакой гипотезы?

— Нет, я же сказала. Моя работа — мертвые тела, не мертвые предметы. Дождись результатов экспертизы из Линчэпинга.

Мина еще несколько раз щелкнула камерой.

— Позвонишь мне, когда прояснится еще что-нибудь?

— Разумеется.

— Столько здесь простоит этот ящик?

— Думаю, еще несколько часов. Пока не подъедут те, кто заберет его отсюда.

Мина кивнула.

Мильда хорошо делала свое дело. Тут Мине пришлось в голову, что и Рубен, которому поручили собрать информацию о ящике, тоже очень толковый полицейский. Его почти фотографическая память не раз выручала группу. Но он, как и Мильда, мыслил в определенных рамках. Для них ящик с мечами был не более чем орудием убийства. Один Винсент мог рассказать о другой стороне проблемы, хотя за все время совещания они не задали ему ни единого вопроса на эту тему. И в том, что касалось ящика, Мина больше полагалась на экспертизу Винсента, чем на то, к чему в принципе мог прийти Рубен.

А значит, пусть думают что угодно, но она приведет менталиста в эту комнату, прежде чем ящик отправят в Линчэпинг.

Мина глубоко вздохнула, взялась за дверную ручку и вышла в коридор. Как ни хотелось ей навсегда остаться в этом безопасном, стерильном месте, а выбора не было. От грязи, так или иначе, не спрячешься.

* * *

Таксометр показывал 437 шведских крон.

— Простите, — обратился Винсент к водителю, — не могли бы вы проехать еще несколько метров?

— Но я остановился как раз напротив подъезда, — проворчал тот.

— Да, и очень хорошо сделали. Спасибо. Но мне бы хотелось, чтобы вы проехали еще несколько метров.

Водитель, которого звали Юсеф, если верить таксистскому удостоверению на ветровом стекле, осуждающе

покачал головой. Тем не менее прокатил машину еще на несколько метров вперед. Когда на таксометре высветилось три четверки, Винсент попросил его остановиться. Юсеф пожал плечами, покачал головой, но послушался.

— Вы клиент, и я сделаю все, о чем вы ни попросите. Так лучше?

— Просто замечательно, — ответил Винсент и расплатился.

Выходя из машины, он был вынужден сделать хороший шаг в сторону, чтобы не наступить в лужу, в которой остановилось такси.

За стеклянной входной дверью мелькнуло лицо Мины. Она быстро кивнула Винсенту и провела его в отделение судмедэкспертизы. Никаких рукопожатий — похоже, Мина забыла дома влажные салфетки.

— Спасибо, что так быстро подъехали, — сказала она.

— Конечно, как же иначе? — вежливо отозвался Винсент. — Где ящик? — Он с любопытством оглядел помещение, где был впервые. — И разве не Рубен должен им заниматься?

— Рубен здесь уже был. А ящик у Мильды, нашего судмедэксперта; криминалисты уже сделали первичный осмотр. Скоро его отправят в лабораторию в Линчэпинг для более подробной экспертизы, ну а пока у нас есть немного времени. Мне хотелось бы показать его вам, потому что только вы можете увидеть его, так сказать, в другой перспективе. Очень может быть, что это поможет вам составить профиль преступника.

— Не уверен, что вы не шутите, — ответил Винсент.

Они поднялись еще на несколько пролетов, и Винсент покосился на Мину. Что бы там ни было с этим ящиком, давно он не встречал такого интересного человека.

— Сюда.

Они пошли по длинному коридору. Винсент шел позади и наблюдал за темным «хвостом» Мины, прыгавшим у него перед глазами из стороны в сторону. Как будто тем самым она хотела его загипнотизировать.

Они свернули в раздевалку, где надели защитные костюмы, и направились к сверкающей чистотой прозекторской. Комната оставляла впечатление пустой, как обычно в фильмах, только в дальнем углу стоял ящик.

Винсент остановился. Давно он не видел ничего подобного. И в действительности это выглядело иначе, чем на фотографиях, которые показывала ему Мина. Будило воспоминания, которые, как до того думал Винсент, давно уснули непробудным сном. Хотя ему лучше, чем кому-либо, было известно о способности мозга хранить информацию. Ничто не исчезает отсюда просто так. Все остается и только выжидает момента, чтобы объявиться, когда меньше всего этого ждешь. И Винсент, конечно, знал об этом, только как будто не до конца верил.

— Он выглядит меньше, чем на снимках, — задумчиво заметил менталист. — Но это тоже часть иллюзии. Ящик должен казаться меньше, чем он есть на самом деле, чтобы зрители поверили в то, что ассистентка внутри не сможет уклониться от мечей. Что в нашем случае, конечно, не имеет никакого значения.

Ящик стоял на низком металлическом столике, и Винсент присел перед ним на корточки, чтобы лучше видеть.

— К нему можно прикасаться? — спросил он.

— Здесь все зависит от того, хотите ли вы, чтобы криминалисты обнаружили на нем ваши отпечатки, — ответила Мина.

— Веский аргумент, — сказал Винсент, отстраняясь от ящика. — Но для начала немного истории. Первым, кто выступил с этим номером, был полковник Стодаре, и произошло это в Египетском зале, в Лондоне, в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году. Еще год спустя он опубликовал секрет этого фокуса. Правда, в ранней версии вместо ящика была корзина... Черт, что такое нужно сделать с человеком, чтобы заставить его влезть туда?

— Вы не любите закрытых помещений?

— Можно сказать и так. Это у меня от матери. Одна мысль о замкнутом пространстве навеивает на меня кошмары.

Винсент сунул голову в ящик и осторожно, стараясь не дышать сквозь маску, осмотрел отверстия для мечей. Они были не там, где их делают обычно. Если хотят, чтобы ассистентка выжила, по крайней мере.

— Иногда номер заканчивался демонстрацией пустого ящика, — продолжал Винсент, — а потом ассистентка объявлялась среди публики, где ее меньше всего ожидали увидеть. Никогда этого не понимал.

Он боялся запаха — крови, пота, возможно, мочи. Но ничего этого не было. Только темные пятна на необработанной древесине.

— Я не поняла, это более сложный вариант трюка? — спросила Мина.

— Задумано, по-видимому, именно так. Но суть иллюзии в том, что ассистентка, которую пронзили мечами, выходит из ящика живой и невредимой. Если же ящик оказывается пустым, этот эффект тем самым уничтожается. Ее никогда не было в ящике, значит, и мечи не нужны. Правда, проделать нечто подобное с этим ящиком — ни малейшего шанса. — Винсент показал на заднюю стенку, где обычно находился потайной выход: — Отсюда просто невозможно выбраться.

Он поднялся, разминая ноги.

— Стоит ли так далеко заходить, — сказала Мина. — В конце концов, это всего лишь фокус.

— Именно, — согласился Винсент. — Всего лишь фокус, если не заходить так далеко. Что ж, любопытно было взглянуть, даже если мне не все понятно... А мечи?

— Здесь. — Мина показала на прозрачные цилиндрические футляры на другом столе. — Они упакованы, чтобы кровь могла высохнуть. Глупо получилось бы, если б кто-то напоролся на них еще раз. Их тоже отправят в Линчепинг на анализ ДНК и отпечатков пальцев. Результатов придется подождать.

— В Линчепинг? — переспросил Винсент.

— Да, в национальную лабораторию судмедэкспертизы, — пояснила Мина.

— Разве что для порядка; не думаю, что эти мечи нам много дадут. — Винсент внимательно рассматривал меч сквозь прозрачный футляр. — Это «Кондор». Сначала я подумал, что обычный фальшион, у них одинаковые клинки... Но нет, такая чешуйчатая рукоять только у «Кондора». Взгляните сюда...

Он поднес пластиковый цилиндр к глазам Мины.

Она наклонилась, взгляделась и кивнула.

— Могу я спросить, откуда вы все это знаете? С трюками более-менее понятно, это ваша профессия. Но...

Винсент рассмеялся:

— В молодости увлекался ролевыми играми.

— Ролевыми играми?

— Да, была у нас команда, собирались и играли в Средневековье.

— О... С этим у вас должно было хорошо получаться.

Винсент рассмеялся, как будто не ожидал такого услышать. Смех прокатился эхом по стерильной комнате.

— Лучше, во всяком случае, чем с мечами из пластика. И потом, какая девушка не мечтает о храбром рыцаре?

— Все верно, я сама была свидетельницей вашей храбрости, — сказала Мина, чувствуя, что краснеет. — Ну, хорошо... то есть вы сказали, что это...

— Большой меч «Кондор», вес около двух кило. Клинок из стали, углеродистой стали 1075, если точнее. Сделан в Эквадоре. Рукоятка — древесина гикори и грецкого ореха...

— О'кей, вы не только ролевик, но и ходячая «Википедия». Но меня больше интересует, почему мечи нам много не дадут. Вы ведь так сказали?

Винсент взвесил футляр в руке, как бы оценивая вес меча, и положил на стол рядом с другими такими же пластиковыми цилиндрами.

— В нем нет ничего необычного, такой можно купить где угодно. Кроме новых, на рынке много подержанных. Очень трудно будет установить продавца или покупателя...

— Хорошо, а ящик? Что вы думаете о нем? Нужны ли какие-нибудь специальные знания, чтобы сконструировать такой?

Винсент склонился над ящиком и сунул в него голову.

— Ящик может дать больше подсказок. Сколько еще людей знают о его существовании?

— Думаете, он сделал его сам? Или заказал где-нибудь?

Винсент встал, услышав, как хрустнули коленные суставы.

— Скорее, и то и другое, — ответил он. — Если он заказал ящик у мастера, то должен был приспособить его под свои цели. Кроме того, он мог купить чертежи, по которым собрал ящик самостоятельно. Для начала неплохо бы разобраться, где нам нужно искать.

— Было бы интересно взглянуть на эти чертежи, — добавила Мина.

— В любом случае, как я уже говорил, злоумышленник должен был на что-то опираться, то есть контактировать с кем-то из тех, кто этим занимается. Могу навести справки, если хотите. Список мастеров не такой длинный. Сегодня же займусь этим, вот только съезжу к своему агенту.

— Буду вам признательна. — Мина кивнула, тряхнув «хвостом». — Сейчас нам кстати любая помощь.

Винсент остановился и снова повернулся к ней.

— Чтобы собрать такой ящик, требуется время, — заметил он. — То есть все это планировалось заранее, расчетливо и хладнокровно. С другой стороны, агрессия, которая за всем этим чувствуется... Это противоречие, вот что сбивает меня с толку. Но не будем спешить с диагнозами, просто я должен как-то это переварить... Что вы решили с цифрой... я хотел сказать, с порезами на ее бедре?

— Пока ничего. Но я просила судмедэксперта поискать в журналах, есть ли другие такие случаи. Мы ведь даже не знаем, цифра ли это. Речь идет всего лишь о гипотезе... вашей гипотезе.

— Тем не менее имеет смысл проверить. Я много думал над этим и пришел к выводу, что цифра — самое правдо-

подобное объяснение. Даже если Юлия со мной и не согласна. Возможно, это и есть то направление, на котором нам нужно сосредоточиться, вместо того чтобы тратить время и силы на составление психологических профилей.

Дверь распахнулась, и Мина чудом избежала удара в лоб, прежде чем успела взяться за ручку. На пороге возник Рубен. При виде Винсента глаза его засверкали, как молния в грозном облаке.

— Что он здесь делает? — Рубен повернулся к Мине.

— Распоряжение Юлии. — Мина равнодушно пожала плечами. — Я всего лишь делаю то, что мне велели. Сам-то где был?

— Ну... пил чай с одним очаровательным судмедэкспертом. — Рубен как будто смутился и быстро проскользнул в прозекторскую.

Винсент и Мина вышли в коридор.

— Я предвидел что-то в этом роде. — Менталист кивнул, повернувшись к Мине.

— Позвольте мне сказать. — Та тряхнула головой. — Юлия действительно просила вас составить психологический профиль преступника. Но это... как бы поточней выразиться... задание вне официальной схемы расследования, чтобы не возникло конфликта в коллективе. Юлия поручила мне «опекать вас» — да, да, она прямо так и сказала. Официально мы снова привлекаем к расследованию Яна Бергсвика — того самого горе-психолога, который в прошлый раз направил нас по ложному следу... — Поморщившись, Мина продолжила: — Юлия одобрила ваше вмешательство, но даже она не вполне уверена. Что же касается остальных... они просто не воспринимают вас как своего в группе. Винсент, мне действительно нужна ваша помощь, но я боюсь, что коллеги не станут нас особенно слушать. Прежде всего я имею в виду Рубена. Нам с вами придется вести свое расследование.

— Наверное, мне следует попытаться воздействовать на них своим неотразимым шармом, — пошутил Винсент.

— В прошлый раз вы расточали его вполне достаточно, — сухо отозвалась Мина.

Винсент не обиделся. Социальные игры не были для него чем-то естественным, как для большинства остальных. Поэтому он и занялся их изучением — и настолько преуспел в этом, что стал управлять поведением людей со сцены, научился понимать эти механизмы. Тем не менее срабатывало это чаще всего только там, на сцене. Конфликты в его семье были лучшим тому доказательством. Мине неплохо было бы об этом знать, чтобы не требовать от него невозможного.

— Ну а все-таки, — продолжала она. — Как обстоят дела с психологическим профилем?

— Пока все слишком расплывчато, — ответил Винсент. — Я не готов сделать какие-либо выводы. Хладнокровие и ярость, сочетание несочетаемого — вот что меня смущает. Это необычно. Я не говорю «невозможно», просто необычно.

Мина наморщила лоб.

— Извините, — сказал Винсент. — Мне надо обратиться с мыслями. Мы обязательно поговорим об этом, но позже. Спасибо за возможность взглянуть на ящик. Это было бесполезно. Кстати, вы в курсе, что Рубен хочет с вами переспать? Он так и кричит об этом каждым своим жестом, а судя по тому, как расширились его зрачки...

— Боже мой, Винсент, — перебила его Мина. — Рубен хочет переспать со всеми, и не надо быть менталистом, чтобы это заметить.

Мрачные коридоры отделения судмедэкспертизы огласил залиvistый смех. Винсент был так ошарашен, что даже забыл о своих подсчетах.

* * *

Почти невозможно. Кристер Бенгтсон вздохнул и включил компьютер. Как же тяжело давались ему эти бесконечные списки пропавших без вести людей... Многие удивились бы, узнав, сколько таких набирается за год по

всей Швеции. Хотя кое-кто, похоже, исчезает по собственной воле.

Возраст жертвы — что-то между двадцатью и тридцатью годами. Согласно их оценке, по крайней мере. Такое трудно определить даже по виду живого человека, что уж говорить о трупе... Кристер взглянул на фотографию, которую взял у патологоанатома и которую ему предстояло сличить со снимками разыскных списков. Блондинка, волосы до плеч, голубые глаза. Похоже, была симпатичной при жизни. Он снова посмотрел на монитор. Внешность ни о чем не говорит, в Швеции половина девушек подходит под это описание. При этом Кристер не видел ни одной, которая зацепила бы его каким-либо особенным сходством.

Те немногие женщины, у которых с Кристером до сих пор складывались отношения, были темноволосыми. Должно быть, это что-то фрейдистское, связанное с его покойной матерью-шатенкой. При том что Кристер жил один. Никто из тех, кто пытался с ним сблизиться, не составил ему пары. Уже в самом начале знакомства он знал, что это не по-настоящему и рано или поздно все закончится.

Любовь мимолетна, как и все остальное. Нет ничего постоянного, кроме этой промозглой погоды. Хотя и она не навсегда, если верить Грете Тунберг¹.

Кристер вернулся к компьютеру. Потянулся за чашкой, глотнул кофе и тут же выплюнул все обратно. Черт... что может быть хуже холодного кофе? На мониторе сменялись лица — молодые, исполненные надежды. Жизнь смахнет с них глуповатое выражение, это вопрос времени. Спасибо матери, которая с самого начала внушила Кристеру, что жизнь — это сплошные разочарования. Если знать об этом заранее, все проходит легче. Неоправданные

¹ Грета Тинтин Элеонора Эрнман Тунберг (р. 2003) — шведская экологическая активистка, получившая международную известность и признание за продвижение мнения о неизбежном экзистенциальном кризисе для человечества в результате изменения климата.

ожидания — вот главная причина того, что большинство людей живут в вечной депрессии.

На мониторе одно лицо сменялось другим. Кристер снова взял чашку, глотнул — и выругался на собственную забывчивость. Потом выплюнул и мрачно посмотрел на холодный кофе в чашке. Вот она, жизнь... черт...

* * *

Винсент поправил печенья на блюде — два ряда по четыре штуки в каждом. Он сидел у своего агента, в офисе «Шоулайф продакшн» на Страндвеген, и старался не думать о том, что только что видел в отделении судмедэкспертизы. О ящике с этими ужасными дырками. И о Мине рядом с ящиком, с волосами, убранными в темный «хвост».

Поначалу его каждый раз встречали здесь роскошными тортами, фисташковым бискотти с кусочками темного шоколада. Это потом годы совместной работы все упростили — по крайней мере, в плане внешней ритуальности. И тот факт, что сейчас на блюде перед Винсентом лежала домашняя выпечка от «Тёссе», не предвещал ничего хорошего. Дело было, конечно, не в качестве выпечки, а в необычности угощения. У Винсента имелись все основания ожидать от агента неприятный сюрприз.

Умберто приехал в Швецию пятнадцать лет назад и до сих пор не избавился от итальянского акцента. Возможно, он считал, что это делает его речь изящней, и намеренно отказывался совершенствовать свой шведский. И все-таки лучше б он купил обыкновенное печенье «Барелина». Домашняя выпечка, конечно, вкуснее, но при машинной штамповке получаются кружки одного размера. Одно печенье неотлично от другого, ничего не торчит и не нарушает идеальности ряда.

— Она больше не появлялась?

Винсент покачал головой.

— Ее не было вот уже на двух представлениях. Но это, разумеется, не значит, что она пропала навсегда.

— Тебе нужна охрана, как я уже говорил.

— Нет, нет... к чему такие расходы? Думаю, администрация театра справится с этой проблемой. Все образуется.

— ...как говорил Джон Леннон о Марке Чепмене, — горько закончил фразу Умберто.

— Не будем больше об этом.

Винсент потянулся за печеньем. Белый шоколад и грецкий орех — довольно вкусно, несмотря на асимметрию.

— У нас жалобы, Винсент. — Умберто озабоченно пригладил тщательно подстриженную бороду. — Я о концертах на прошлой неделе, в Линчэпинге и Мальмё.

— Зрительные залы на тысячу сто девяносто шесть и девятьсот мест соответственно — и полный аншлаг. — Винсент кивнул. — Аплодировали стоя. Кому-то не понравилось мое шоу?

— Не шоу... — Умберто вздохнул. — Тебе обязательно лежать на полу в гримерной после концерта? С уборщиками чуть не случился сердечный приступ — и в том, и в другом зале.

Винсент взял еще одно печенье, чтобы выровнять ряд. Умберто запустил руку в бумажный пакет, чтобы наполнить блюдце, но Винсент остановил его взглядом. Ничто не должно нарушать порядок.

— Как давно мы с тобой работаем, Умберто? — спросил он. — Лет десять уже, наверное? Мне тяжело даются эти шоу. Все не так просто, как кажется. Поэтому мне требуется время, чтобы прийти в себя, и лучше всего это у меня получается в лежачем положении. Ты ведь давно об этом знаешь.

— Но целый час?.. Кроме того, техники из Карлстада не пришли в восторг от твоей затеи рассортировать их кабели по цвету.

— О'кей. — Винсент кивнул. — Это принимается. Извинись за меня.

Именно в Карлстаде у него не получился номер с гвоздем. Винсент проткнул себе ладонь и, конечно, должен был как-то развеяться после этого.

Умберто сощурил глаза и покачал головой:

— Когда ты наконец откажешься от этого номера? Что будет с турне, если ты себя покалечишь? Что скажет Мария?

— Мария скажет, что это лучшее из того, что могло со мной произойти, — ответил Винсент. — Потому что в этом случае я точно пойду с ней на семейный праздник.

— Праздник, — проворчал Умберто, не особенно вникая в его объяснения.

За окном, на противоположной стороне улицы, появились две молодые женщины в коротких желтых платьях. Они показывали в сторону моря. Наверное, туристки, очарованные ранней стокгольмской весной.

— Ты знаешь, что я с тобой не соглашусь. Я не думаю идти у тебя на поводу и прослежу, чтобы в следующий раз ты приехал на шоу в сопровождении охранника.

— Это смешно, тебе не кажется? — отозвался Винсент. — Я ведь не какой-нибудь там Бенъямин Ингрессо¹... ну, или тот же Джон Леннон. Не знаю, как тебя в этом убедить, но, так или иначе... спасибо.

Умберто снова посмотрел на Винсента:

— Ты все еще подписываешь гвозди?

— И гвозди, и фотографии, и футболки... здесь все зависит от того, на чем поклонник захочет видеть мой автограф.

— «Художник всегда ставит подпись под своим произведением», — процитировал Умберто и рассмеялся. — Ты сам вырыл себе эту яму.

— Да, да... и, раз уж мы заговорили о шоу, не мог бы ты попросить театрального администратора не ставить газированную воду мне в примерную?

¹ Бенъямин Даниэле Вальгрэн Ингрессо (р. 1997) — шведский певец и автор песен.